

Санкт-Петербургский государственный университет

ШВАРЦ Елизавета Павловна

Выпускная квалификационная работа

**«Род и число в амхарском языке в типологическом и сравнительно-
историческом контексте»**

Уровень образования: Бакалавриат

Направление 58.03.01 «Востоковедение и африканистика»

Основная образовательная программа СВ.5137.2019 «Языки и культура
Восточной Африки (эфиопистика)»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент,
профессор, заведующий кафедрой африканистики
Желтов Александр Юрьевич

Рецензент:

Кандидат филологических наук, доцент
Давыдов Артем Витальевич

Санкт-Петербург

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. РОД И ЧИСЛО В ОБЩЕМ ЯЗЫКОЗНАНИИ	5
Понятие рода	5
Количество родов в языках мира и слова общего рода.....	7
Определение рода существительных	9
Род и категория одушевленности	14
Число. Исчисляемое и неисчисляемое.....	16
Виды множественного числа	18
Способы выражения множественного числа.....	22
Множественное число и иерархия одушевленности.....	23
ГЛАВА II. РОД И ЧИСЛО В АМХАРСКОМ ЯЗЫКЕ	25
Род имени существительного	25
Род имени прилагательного	40
Род местоимений	40
Род у глагола, артикля, числительных.....	42
Особые случаи согласования по женскому роду	43
Число имени существительного и местоимения	44
Число имени прилагательного	52
Число глагола и согласование по числу	53
Выводы.....	57
ГЛАВА III. КАТЕГОРИИ РОДА И ЧИСЛА В ДРУГИХ СЕМИТСКИХ ЯЗЫКАХ	60
Род и число в южных эфиосемитских языках	60
Род и число в северных эфиосемитских языках	67

Род и число в ЛАЯ	74
Род и число в ДЕЯ	76
Выводы	79
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	82
БИБЛИОГРАФИЯ	89
Приложение А. Список сокращений	95
Приложение В. Информация об информанте	96

ВВЕДЕНИЕ

Амхарский язык относится к эфиосемитской группе семитских языков афразийской макросемьи. В настоящее время он является государственным языком Эфиопии и занимает второе место среди семитских языков по числу носителей после арабского.

Традиция изучения амхарского языка насчитывает несколько столетий: первая его грамматика была составлена Хиобом Лудольфом совместно с Аббой Горгорисом в 1698-м году. Первый словарь амхарского языка был составлен теми же авторами год спустя, в 1699-м.

Следующая грамматика амхарского языка была написана в начале XX века на итальянском языке Афеворком Гебре Йезусом [Afevork 1905], эфиопским лингвистом, публицистом и автором первого художественного произведения на амхарском языке.

Наиболее заметные грамматики были составлены Дэвидом Эппльярдом [Appleyard 1994], Вольфом Леслау [Leslau 1995] и Йозефом Хартманном [Hartmann 1980]. Краткие грамматические очерки амхарского языка на русском были написаны Е.В. Ганкиным [Ганкин 1969] (в качестве приложения к словарю), Е.Г. Титовым [Титов 1991] и М.С. Булах в соавторстве с Е.Г. Титовым [Титов, Булах 2013].

С 1699-о года было выпущено несколько амхаро-итальянских [Guidi 1901] [Guidi 1940], амхаро-французских [Abbadie 1881] [Baeteman 1929], амхаро-английских [Isenberg 1841] [Kane 1990] и один амхаро-русский словарь [Ганкин 1969].

Тем не менее, хотя история изучения амхарского языка насчитывает свыше трехсот лет и амхарский является одним из наиболее исследованных языков эфиосемитской группы, в его описании все еще присутствуют белые пятна, а его место в рамках эфиосемитской подгруппы и семитской языковой

семьи еще точно не определено¹, поэтому исследования амхарского не утратили свою актуальность.

Целью настоящей работы является изучение категорий рода и числа в амхарском языке в типологическом и сравнительно-историческом контекстах. Для этого данные категории будут подробно рассмотрены, а затем сопоставлены с аналогичными категориями в родственных языках. Особый интерес представляет вопрос морфологической выраженности и семантического значения женского рода, а также способы образования и разновидности множественного числа.

Для структурирования работа поделена на три основные главы, первая из которых посвящена роду и числу в общем языкознании и описывает концепции, касающихся вопросов происхождения и распределения грамматического рода, а также возможные варианты выражения и маркирования рода и числа в языках мира. Вторая глава подробно исследует категории рода и числа непосредственно в амхарском языке, а третья посвящена сравнению амхарского с другими языками семитской семьи.

В качестве основного языкового материала использованы словари, учебные пособия, литература на амхарском языке (тексты Библии и Корана, народная песня *täwu səmañ hagäre*), амхароязычная Википедия, а также работа с информантом.²

---

¹ Хотя единство южноэфиосемитских языков подтверждено [Булах, Коган 2013с: 43], генеалогические отношения языков внутри подгруппы являются предметом дискуссий [Булах, Коган 2013с: 46]. Место эфиосемитской группы в рамках семитской языковой семьи также все еще однозначно не определено [Булах, Коган 2013а: 42]. Подробнее об этом см. главу III.

² Подробнее об информанте см. Приложение Б.

ГЛАВА I. РОД И ЧИСЛО В ОБЩЕМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Понятие рода

Категория рода – «одна из наиболее дискуссионных» и сложных для понимания категорий языка [Желтов 2017: 365]. А. Мейе назвал род «одной из наиболее неожиданных категорий», при этом В. А. Виноградов видит причину «неожиданности» в алогичности распределения грамматического рода [Виноградов 2018: 306]. Есперсен понимает под термином род «грамматическое деление слов на разряды» [Есперсен 1958: 263], при этом принцип различения может опираться как на естественный пол, так и категории одушевленности и неодушевленности или на нечто иное [Есперсен 1958: 264].

Одним из первых ученых, высказавших сомнение в «естественном» происхождении грамматического рода, обусловленного половыми различиями, был Бругман. Он полагал, что окончания, присущие женскому и мужскому роду, а также другие формальные признаки, были переосмыслены подобным образом уже постфактум, а их появление предшествовало развитию «естественного рода». В качестве одного из доказательств своей теории Бругман видит родовое распределение названий животных, зачастую никак не коррелирующее с биологическим полом (Hase (m) «заяц», Fuchs (m) «лиса», Schlange (f) «змея») [Виноградов 2018: 310 – 311]. То же самое явление прослеживается и в русском языке (змея (f), лиса (f), малиновка (f)), и в испанском (*caballo* (m) «лошадь», *cerdo* (m) «свинья», *rana* (f) «лягушка»). Вышеприведенные названия животных являются гендернонейтральными, то есть могут обозначать как самок, так и самцов.

С точки зрения А. Мейе происхождение и развитие грамматического рода уходит корнями в оппозицию «одушевленность – неодушевленность». По мнению К.К. Уленбека, ключевую роль в процессе становления грамматического рода сыграло противопоставление «активность – пассивность». С середины XX века развивается теория о том, что

возникновение грамматического рода связано с переходом индоевропейского праязыка от активного строя к номинативному, «так что на стадии активной типологии индоевропейский язык должен был обладать двухклассной системой активных/инактивных имён, которая через признак одушевлённости/неодушевлённости трансформировалась в родовую» [Виноградов 1990]. Хотя В. А. Виноградов в статье опирается преимущественно на данные индоевропейской семьи, анализ языков нигер-конго также приводит к выводу о «первичность противопоставления «личность/ неличность» при формировании именных классификаций» [Желтов 2017: 374].

Мейе, а также его последователь Е. Курилович полагают, что женский и мужской грамматические роды образовались из класса одушевленных существительных, при этом изначальная оппозиция заключалась в противопоставлении мужского (одушевленного) рода среднему (неодушевленному), а женский род образовался позднее и является деривативным по отношению к мужскому [Виноградов 2018: 312]. Однако имена женского рода во многих языках не ограничиваются обозначениями лиц женского пола. Во многих языках (например, в романских, германских и некоторых семитских) абстрактные имена также тяготеют к женскому роду. Поэтому А. Мартине подчеркивал необходимость разграничивать деривационную и согласовательную категории женского рода. Сам Мейе также признавал условность объяснения женского рода в качестве разветвления одушевленного класса [Виноградов 2018: 312 – 313]. Одним из главных доказательств своей теории Мейе видел в родовой вариативности некоторых имен. Так, в древнегреческом слово *as. 'tir* («звезда») могло относиться как к женскому, так и к среднему роду. Мейе усматривает в этом непостоянстве логику: грамматический род присваивается говорящим в зависимости от того, подразумевает он неодушевленный объект или живую сущность под этим словом. Согласно Мейе, если неодушевленный объект

является сакральным, то язык скорее присвоит ему женский или мужской род, нежели средний [Виноградов 2018: 313].

Однако одного деления имен на группы для грамматического рода недостаточно. Как отмечает Корбетт, чтобы прийти к выводу, что в языке имеется грамматическая система рода, нужно убедиться, что она затрагивает не только существительное, но и другие части речи, а также влияет на согласование [Corbett 2013b]. «Если классификация основана только на имени, то мы имеем дело со словообразованием» [Желтов 2017: 370]. Тем не менее стоит отметить, что в некоторых случаях следует сделать исключение: в идиомах, в которых классификация влияет только на имя, однако взаимодействует с другой словоизменительной категорией, подобный процесс является обязательным, а, значит, грамматическим. Данная деталь важна для описания некоторых идиомов гур, «в которых классификация выражена только в имени, но кумулятивно с категорией числа» [Желтов 2017: 371].

Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю» под редакцией Виноградова, род – это «грамматическая категория, свойственная разным частям речи и состоящая в распределении слов или форм по двум или трём классам, традиционно соотносимым с признаками пола или их отсутствием <...> Классифицирующая категория для существительных, анафорическая — для местоимений 3-го лица единственного числа, словоизменительная (синтаксическая) — для остальных частей речи»,³ что фактически подтверждает позицию Есперсена и Корбетта по данному вопросу.

Количество родов в языках мира и слова общего рода.

В то время как в сино-тибетской и австронезийской (за исключением языка тагалог, заимствовавшего систему грамматического рода из испанского языка) семьях не выделяют грамматического рода, он присутствует в языках

---

³ <http://tapemark.narod.ru/les/417a.html> (Дата обращения 10.05.2023).

индо-европейской и афразийской семей, причем в афразийских языках выделяется два рода (мужской и женский), а в индо-европейской – от двух до трех в зависимости от группы и/ли конкретного языка.

Некоторые лингвисты не делают различий между системами грамматического рода и именных классов, выделяя таким образом языки с четырьмя, пятью и более грамматическими родами [Corbett 2013c]. Исследователи отмечают, что довольно сложно провести черту между системой родов и системой именных классов [Есперсен 1958: 264] [Corbett 2013c]. В.А. Виноградов называет системы родов и именных классов «разновидностью согласовательных классов».

По определению А.А. Зализняка, «согласовательный класс – это совокупность существительных, требующих (при фиксированном грамматическом значении) одинаковых словоформ любого атрибута (адъективной части речи – прилагательных и т. п.) при согласовательной синтаксической связи» [Сичинава 2011]. Однако в некоторых языках, например, в русском, система родов не является как таковым согласовательным классом, так как категория одушевленности также играет роль при согласовании. Так, формы винительного падежа отличаются у одушевленных и неодушевленных имен. По этой причине лингвист Н.Н. Дурново, не разделяя понятия грамматического рода и согласовательного класса, считает, что в русском языке 6 грамматических родов [Сичинава 2011].

Помимо основных грамматических родов в некоторых языках выделяется также общий род, однако слова, принадлежащие к этой группе, не образуют самостоятельный согласовательный класс. К общему роду относятся одушевленные существительные, обозначающие людей и/ли животных, которые можно согласовать как по женскому, так и по мужскому роду в зависимости от биологического пола описываемого лица. Общий род выделяется в русском языке [Сичинава 2011]. Некоторые лингвисты выделяют общий род также в английском языке. Так, по мнению Ноубла Батлера, слова

person, child, parent и другие относятся к общему роду, так как могут обозначать в одинаковой степени лиц как женского, так и мужского пола, а для уточнения биологического пола обозначаемого человека или животного приходится использовать дополнительные слова, например, *cock* или *hen* в отношении птиц [Butler 1874: 51].

В шведском языке выделяется всего два грамматических рода: средний и общий [Groghan 1995: 18], причем общий род образовался в результате «сращения» мужского и женского, причем к т.н. «общему роду» относятся не только одушевленные существительные, а сама категория развилась в результате утраты различий между мужским и женским грамматическим родом.

История развития категории общего рода в шведском языке коррелирует с мнением лингвистов, рассматривающих подобные слова не как одну, а как две омонимичные лексемы разных родов [Сичинава 2011].

Определение рода существительных

Определение рода имени, согласно Гревиллу Корбетту, может опираться либо на его значение, либо на его форму [Corbett 2013b]. Рассмотрим несколько примеров из идиомов разных языковых семей и ветвей, чтобы проиллюстрировать вышесказанное. Так, например, в языке каннада (дравидийская семья) всего три грамматических рода. Между женским и мужским родом распределяются имена, означающие лиц мужского или женского пола, а также божества, злые духи и небесные тела. Все остальные слова относятся к среднему роду [Corbett 2013a]. Получается, в языке каннада распределение по роду мотивировано исключительно семантически. В литературном немецком языке (далее – ЛНЯ)⁴ грамматический род тоже

---

⁴ В данной работе будет рассмотрена литературная норма немецкого языка, так как род существительных может варьироваться от диалекта к диалекту. Кроме того, вопрос признания некоторых идиомов внутри германской языковой ветви самостоятельными языками до сих пор является спорным. Под литературной нормой в данной работе понимается Hochdeutsch.

коррелирует с биологическим полом, когда речь идет об одушевленных существительных (*Mann* (m) «мужчина», *Frau* (f) «женщина»).

Тем не менее далеко не всегда в ЛНЯ биологический пол соответствует грамматическому полу (*Weib* (n) «женщина» (уст. или руг.), *Person* (f) «персона, особа», *Mensch* (m) «человек»).

Для языков славянской семьи данная тенденция также не является редкостью. Так, в русском языке слово *человек* тоже имеет мужской род, как и в ЛНЯ, хотя и не подразумевает под собой исключительно лиц мужского пола, в то время как в украинском языке слово *людина* («человек») относится к женскому роду.

Стоит отметить, что иногда грамматический род существительных в языке, хотя и не коррелирует с биологическим полом, имеет под собой некоторую семантическую подоплеку. Использование среднего рода по отношению к одушевленным лицам в ЛНЯ может быть семантически оправдано вопреки несоответствию биологическому полу. Так, дети и детеныши, то есть маленькие люди и звери, как правило имеют в ЛНЯ средний род (*Kind* (n) «ребенок», *Mädchen* (n) «девочка», *Kücken* (n) «цыплёнок»).

Это правило распространяется и на неодушевленные существительные, если к ним прибавляются уменьшительно-ласкательные суффиксы *-chen*, *-lein* и другие, как, например, в слове «девочка», то есть в данном случае род обоснован и семантически, и грамматически. Корбетт отмечает, что уменьшительно-ласкательные суффиксы часто предполагают средний род в индоевропейских языках, а Манфред Крифка утверждает, что чем старше подразумеваемая девочка, тем скорее в ЛНЯ по отношению к ней будет использовано местоимение женского рода (*sie* «она»), и, наоборот, чем младше она, тем скорее по отношению к ней употребят местоимение среднего рода (*es* «оно»). Таким образом, грамматический род в данном случае связан не с биологическим полом лица, а с социокультурными представлениями о гендере

[McConnell-Ginet 2014: 10] и половозрелости, а именно об отсутствии (четкого) «гендера» у неполовозрелых лиц. В некоторых же языках, как, например, в испанском языке, не имеющим среднего рода, противопоставление большого и маленького накладывается на оппозиции мужского и женского родов (*sajón* (m) «сундук», *saja* (f) «коробка») [Виноградов 2018: 307].

Однако уменьшительно-ласкательные суффиксы – не единственные морфемы, образованные с помощью которых слова должны относиться к определенному грамматическому роду. То же самое наблюдается и при использовании феминитивов. Хотя, как отмечает Есперсен, количество устоявшихся феминитивов во многих языках непропорционально мало по отношению к наименованиям профессий, что в первую очередь связано с тем, что многие сферы были закрыты для женщин или продолжают быть закрытыми и по сей день. Так, в английском языке для обозначения большинства профессий используются слова общего рода, которые в зависимости от контекста могут обозначать лиц как женского, так и мужского пола. Кроме того, некоторые феминитивы не равнозначны по смыслу наименованиям профессий, от которых образованы, и имеют яркую или контекстную пейоративную коннотацию. Например, *poetess* и *poet* могут быть не равнозначны по смыслу в некоторых контекстах, и тогда человек, которого называют *poet*, характеризуется большим талантом, нежели тот, по отношению к кому применяется феминитивная форма [Есперсен 1958: 219].

Тем не менее биологический пол – не единственная возможность соотнести значение слова с его грамматическим родом. Так, род может быть обоснован семантически принадлежностью к какой-то определенной группе. Согласно Виноградову, в любом языке имеются т.н. «генерические» слова, «осуществляющие классификацию объектов на лексическом уровне» [Желтов 2017: 370]. В некоторых же языках «генерические» слова распределяют существительные и на грамматическом уровне. Например, в ЛНЯ практически

все виды рыб относятся к мужскому роду, так как само слово «рыба» имеет мужской род (*Fisch* (m) «рыба», *Blei* (m) «лещь», *Kabeljau* (m) «треска»).

То же явление наблюдается в ЛНЯ в отношении различных видов птиц (*Vögel* (m) «птица», *Falke* (m) «сокол», *Habicht* (m) «ястреб»).

Как отмечает Есперсен, подобное явление «выравнивания рода» у слов, принадлежащих к одной семантической группе, в принципе характерно по крайней мере для индоевропейской языковой семьи [Есперсен 1958: 215]. Это явление встречается и в литературном испанском языке (далее – ЛИЯ), в котором названия всех дней недели и месяцев, как и в ЛНЯ, относятся к мужскому роду. При этом «выравнивание рода» нередко противоречит этимологии или морфемному составу слова. Так, немецкое слово *Mittwoch* («среда») по аналогии с другими днями недели относится к мужскому роду, хотя состоит из двух слов, – *Mitte* («середина») и *Woche* («неделя»), – последнее из которых имеет женский род, а в составных существительных, по правилу, род определяется по последнему слову.

В романских языках, помимо выражения размера в оппозиции мужского и женского родов наглядно прослеживается противопоставление конкретного и абстрактного у однокоренных слов, например, во французском (*chiflo* (m) «свисток», *chifla* (f) «свист») [Виноградов 2018: 308].

Стоит также отметить, что грамматический род слов, восходящих к одному корню, в родственных словах может различаться:

heft (n)

«тетрадь», ЛНЯ

heft (f)

«тетрадь», идиш

В некоторых случаях различие может быть обосновано разным количеством родов в родственных языках. Так, в некоторых диалектах идиша

только два грамматических рода: мужской и женский, в то время как в ЛНЯ их три: мужской, женский, средний, хотя «тетрадь» остается женского рода и в литературном идише, имеющим три рода. В английском языке середины XVII века слово *age* относилось к женскому роду, однако в современном английском языке оно, подобно другим неодушевленным существительным, относится к среднему [Виноградов 2018: 306]. Кроме того, подобная ситуация наблюдается и в родственных языках с одинаковой системой грамматических родов:

боль (f)

«боль», русский

біль (m)

«боль», украинский

боль (m)

«боль», белорусский

Причинами подобного явления могут послужить как регулярные изменения, так и влияние «генерических слов», о которых писалось выше. Кроме того, существуют «причины формального порядка», как их называет Есперсен, приводя пример из французского языка: «изменениям в роде особенно подвержены слова, начинающиеся с гласного звука, поскольку форма определенного артикля при них будет одной и той же в обоих родах, а именно *l'* (неопределенный артикль *un, une* перед словом, начинающимся с гласного, тоже произносился одинаково — [yn])» [Есперсен 1958: 257].

«Родовая неопределенность» [Виноградов 2018] распространена среди слов, недавно заимствованных. Так, *Joghurt* («йогурт») и *Link* («интернет-ссылка») встречаются в употреблении со всеми тремя артиклями, а попытки унифицировать принадлежность первого или второго слова к определенному грамматическому роду вызывают большие споры и обсуждения. Это

свидетельствует о том, что, хотя обозначаемые данными словами понятия прочно вошли в повседневную жизнь носителей немецкого языка, сами слова еще не до конца ассимилировались в языке.

Род и категория одушевленности

Ранее уже обсуждалось влияние оппозиции «одушевленность/неодушевленность» на грамматический род. Есперсен полагает, что разделение на одушевленное и неодушевленное, личность и не личность или иные вариации подобного противопоставления отражаются в значительном пласте грамматических структур, хотя и не всегда связаны напрямую с грамматическим родом или биологическим полом [Есперсен 1958: 220, 221].

Важную роль в именной классификации играет «иерархия одушевленности» [Silverstein 1976]. «Иерархия одушевленности как некая семантическая классификационная шкала может рассматриваться в качестве глубинной семантической структуры по отношению к поверхностной структуре — грамматической классификации» [Желтов 2017: 370]. Один из главных принципов функционирования иерархии заключается в следующем: чем выше положение элемента в ней, тем с большей вероятностью он будет реализован грамматически [Желтов 2017: 371]. Подробнее иерархия одушевленности будет рассмотрена далее.

Стоит отметить, что в некоторых языках, как, например, в арабском, животные наравне с вещами являются неодушевленными именами и согласуются соответствующим образом. В других же языках часть животных относится к одушевленным, другая – к неодушевленным предметам (см. п. 2.4)

Есперсен считает, что позиция животных в иерархии одушевленности в связи с грамматическим родом зависит напрямую от того, насколько они важны для человека, то есть чем больше человек взаимодействует с этим видом животных или использует его в сельском хозяйстве, тем скорее в языке будут разные слова для самца и самки этого вида и тем скорее животное не

будет относиться к среднему роду [Есперсен 1958: 222]. Вероятно, на это также влияет и внешний вид животного и/ли его принадлежность к тому же классу, что и сам человек, то есть к млекопитающим, потому что в таком случае человеку проще ассоциировать животное с женским или мужским гендером. В ЛНЯ для самок и самцов ряда животных существуют отдельные слова, но для обозначения особей женского пола многих млекопитающих можно использовать универсальный феминитивный суффикс *-in*, который используется также для человека. С птицами, рыбами или насекомыми данный суффикс не употребляется.

Есперсен также приводит пример из английского языка, в котором страны, относящиеся к среднему роду, могут выступать в качестве лиц женского пола, если говорящему необходимо подчеркнуть активную роль страны в каком-то событии. Есперсен объясняет, что данная традиция восходит к латыни, где страны имели женский род [Есперсен 1958: 222].

Определенную роль в распределении грамматического рода имен существительных сыграла мифология, а именно олицетворение природных явлений и объектов. Так, названия рек в ЛНЯ могут относиться как к женскому, так и к мужскому роду. Большинство рек, протекающих на территории первоначального расселения германских племен, относятся к женскому роду по аналогии с древневерхненемецким словом *Ach* («река», f), которое вышло из употребления в ЛНЯ, однако оставило следы в названиях некоторых рек, например, *Wutach* (Вутах), *Brigach* (Бригах), *Schwarzach* (Шварцах). Считается, что, как и само генерическое слово «река», так и названия определенных рек относятся к женскому роду, потому что речные божества у германских племен были женского пола. Заимствованные же из латыни и других языков названия рек сохранили мужской род, например *Rhein* («Рейн», m). В латыни же названия рек имели мужской род, так как римские речные божества были мужского пола. Однако не все заимствованные в ЛНЯ названия сохранили первоначальный род. Так, латинский *Danubius* эволюционировал в

Donau («Дунай») и по аналогии со словом *Au(e)* («пойма», f) начал относиться к женскому роду [Kunze 2014]. Подобным образом можно объяснить, почему состояния природы, описывающие непогоду, относятся в ЛНЯ к мужскому роду – из-за германо-скандинавского бога грома и молний Тора (Доннера). Само его имя переводится как «гром».

Число. Исчисляемое и неисчисляемое

Исследования рода неотделимы от категории числа [Виноградов 2018: 314]. На первый взгляд может показаться, что, в отличие от рода, это простая грамматическая категория, апеллирующая исключительно оппозицией один/много или один/больше одного. Однако, помимо единственного и множественного числа, в языках мира встречаются также двойственное, тройственное и даже паукальное числа. В то время как в одних языках двойственное число уже вышло из употребления, оставив лишь рудименты (русский), в других языках оно все еще сохраняется полностью (современный литературный арабский) или в семантически ограниченном виде (современный иврит).

Но не от всех слов возможно образовать множественное (или двойственное) число. Некоторые слова не сочетаются с числительными и множественным числом, потому что понятия, которые они обозначают, невозможно посчитать или же сложно «исчислить из-за слишком большого количества» [Есперсен 1958: 175]. Такие числительные называются неисчисляемыми, и к ним относятся прежде всего названия веществ (молоко, мука), хотя не все вещественные существительные являются *singularia tantum*. Некоторые из них образуют форму множественного числа для обозначения разных видов вещества, например, слово *глины* в русском языке.

Разряд имен существительных *singularia tantum* не ограничивается названиями веществ, в него также входят абстрактные понятия, имена собственные, выражающие единственные в своем роде объекты (например, названия рек и городов) и имена собирательные, хотя по мнению таких

лингвистов, как Даниэль и Моравчик, этот класс существительных представляет из себя собирательное множественное [Daniel, Moravcsik 2013]: собирательные существительные с грамматической точки зрения являются *singularia tantum*, а с семантической – множественным числом, так как обозначают неопределенное множество предметов или лиц одного порядка.

Кроме того, не все понятия можно сосчитать вместе. «Понятие „более чем один“ применимо только к таким предметам, которые, не будучи тождественными, принадлежат к одному и тому же разряду» [Есперсен 1958: 175]. Совместно исчисляемые предметы и лица в большинстве языков примерно одинаковые, хотя есть и различия. Так, в ЛИЯ разнополых лиц (и/ли животных) можно посчитать вместе, используя форму мужского рода. Испанское *hermanos*⁵ может означать как только братьев, так и включать сестер, в то время как в английском языке использование формы *brothers* для сиблингов обоих полов не представляется возможным.

В отношении некоторых понятий невозможно точно сказать, представляют они из себя один предмет или несколько, и разные языки находят различные решения. Так, слова *штаны*, *ножницы*, *очки* в русском языке являются *pluralia tantum*, а в немецком языке *Hose*, *Schere*, *Brille* имеют как форму единственного, так и форму множественного числа.

Различное восприятия единственного и множественного чисел в языках мира касается не только парных предметов, но и парных частей тела. Так, в русском, английском и немецком парные органы и части тела исчисляются таким же способом, что и остальные исчисляемые существительные в данных языках.

В венгерском же языке парные органы и части тела используются в единственном числе, когда речь идет о двух, если же нужно подчеркнуть, что

---

⁵ В настоящий момент существует тенденция вместо окончания мужского рода -os использовать @s, когда речь идет о разнополой группе или пол членов группы заранее не известен.

речь идет об одном глазе, то используется конструкция, которая дословно переводится как «половина глаза» [Есперсен 1958: 177].

В основе обычного множественного числа лежит оппозиция один/много, однако в этом случае возникает вопрос, что именно понимать под «много»? Если много – это «более, чем один», то относится ли полтора к категории «много»? Языки мира дают разные ответы. Так, в немецком языке после числительного полтора используется множественное число, в то время как в родственном ему датском – единственное [Есперсен 1958: 179].

В употреблении формы множественного числа имени после числительного наблюдаются и другие нюансы. Один из таких нюансов Есперсен называет «притяжением» [Есперсен 1958: 178]. Так, в некоторых языках невозможно поставить имя во множественном числе после слова один, даже если оно является частью составного числительного, например, в русском. В названии книги «Тысяча и одна ночь» ночь используется в единственном числе, хотя подразумевается не одна ночь. То же можно наблюдать и в немецком языке: „Tausend und eine Nacht“. В английском же языке, напротив, используется форма множественного числа: “A thousand and one nights”. В некоторых языках форма множественного числа имени после числительных больше одного является либо факультативной, либо вовсе не употребляется, подробнее это будет рассмотрено в следующем разделе.

Виды множественного числа

Одной из разновидностей множественного числа является приблизительное множество (plural of approximation), объединяющее в себе предметы и/ли лица, «не принадлежащих в точном смысле к одному виду». Одним из самых распространённых примеров приблизительного множества в языках мира служит обозначение десятилетнего промежутка времени. Например, *шестидесятые* в русском или *sixties* в английском. Однако не во всех языках возможно образовать подобные формы: во французском их нет [Есперсен 1958: 179].

Есперсен отмечает, что еще одним примером приблизительного множественного является местоимение первого лица множественного числа *мы*, подразумевающее под собой «я и еще кто-то, кто не я, но со мной» [Есперсен 1958: 179]. То, что Есперсен называл «приблизительным» множественным, принято в современной лингвистике именовать «ассоциативным множественным», хотя в «ассоциативное множественное», как правило, не включаются местоимения множественного числа и числительные, обозначающие десятилетия. Однако в некоторых языках, например, в амхарском, личные местоимения множественного числа образуются с помощью той же морфемы, что и ассоциативное множественное, подробнее это будет рассмотрено во второй главе.

В языках мира ассоциативное множественное чаще всего используется с именами собственными или терминами родства, реже формы ассоциативного множественного могут образовываться от названий животных, например, в татарском. Ассоциативное множественное (репрезентативная множественность) отличается от аддитивного и собирательного множественного прежде всего референтной неоднородностью. Так, подразумеваемые под формой ассоциативного множественного референты делятся на центрального (от чьего имени или названия образована словоформа) и ассоциируемых (тех, кто не назван, но подразумевается). Другой важной особенностью ассоциативного множественного является внутренняя сплоченность подразумеваемой группы: все ее члены тесно связаны друг с другом. На данный момент известны примеры только обычного и двойственного ассоциативного множественного. В то время как в одних языках это продуктивная конструкция, в других она используется лишь с ограниченным кругом существительных, как, например, в ЛИЯ. Ассоциативное множественное может образовываться как по аналогичной с аддитивным множественным модели, различаясь

преимущественно по контексту, как в зулу, так и самостоятельным способом, как, например, в амхарском языке [Daniel, Moravcsik 2013].

В отдельную категорию числа Есперсен выделяет т.н. «единство высшего порядка». Данная категория объединяет несколько классов имен, означающих множество лиц или предметов, но являющихся при этом единственным числом с грамматической точки зрения. К одному из таких классов относятся собирательные числительные, упоминаемые ранее. Однако Есперсен расширяет понятие собирательных существительных, включая в него абсолютно все понятия, подразумевающие под собой несколько лиц [Есперсен 1958: 180 – 183], хотя не все лингвисты поддерживают данную точку зрения. Так, согласно толковому словарю русского языка, собирательные существительные должны образовываться по единой модели, в случае русского языка – с помощью соответствующих суффиксов.⁶ Единая модель образования необходима для вынесения класса собирательных существительных в отдельную категорию числа, но Есперсен рассматривает категорию «единства высшего порядка» в целом и собирательных существительных в частности в первую очередь в контексте единства их значения, а не грамматического выражения. Важным является замечание Есперсена о подвижности грамматического рода собирательных существительных. Так, он приводит пример английского слова *family* («семья»), форма единственного числа которого иногда может сочетаться с глаголом множественного числа, когда необходимо подчеркнуть, что оно обозначает некую группу людей [Есперсен 1958: 183]. Для русского языка неоднозначность числа собирательных существительных тоже актуальна. Хотя по определению они должны относиться к классу *singularia tantum*, на практике некоторые имена в определенных контекстах все же способны образовать множественное число, например, *братство*. Однако в данном случае уместно поставить вопрос о полисемии и омонимии этого слова (или

---

⁶ <https://www.vedu.ru/expdic/32743/> (Дата обращения: 08.05.2023).

этих слов). В некоторых языках вещественные существительные способны образовывать множественное число, принимая в таком случае значение «много чего-то», как, например, в эвенкийском языке [Haspelmath 2013].

Кроме того, по мнению Есперсена, «единство собирательного порядка» включает в себя существительные, образованные от числительных (например, *десятка, сотка*, а также слово *пара*, которое, хотя, как правило, не образовано от числительного с тем же значением в языках мира, но означает «два чего-то или двое кого-то»), а также употребление формы множественного числа в значении единственного числа и последующим согласованием по единственному числу [Есперсен 1958: 180 – 181].

Другим важным аспектом семантико-грамматического противоречия по числу в языке является выражение формы вежливости. В то время как в некоторых языках форма вежливости никак не различаются грамматически (английский, ЛАЯ, иврит), в других уважительное обращение к одному человеку согласуется по множественному числу полностью или частично (идиш, ЛНЯ, русский⁷). Для выражения формы вежливости в языках мира могут использоваться либо местоимения второго (русский, идиш) или третьего (ЛНЯ) лица множественного числа или специальные местоимения второго и/ли третьего лица (амхарский, ЛИЯ⁸). Обращение к одному и нескольким лицам в уважительной форме может быть как одинаковым (ЛНЯ, русский, идиш), так и разным (ЛИЯ). Кроме того, вежливые местоимения могут использоваться как только для обращения к человеку (ЛИЯ, русский, ЛНЯ, идиш), так и при его упоминании в третьем лице (амхарский).

---

⁷ В русском языке вежливое местоимение «Вы» согласуется с глаголом по множественному числу, однако с существительными и прилагательными по единственному (*Вы моя учительница. Вы такая красивая сегодня!*).

⁸ В ЛИЯ для вежливого обращения используется особое личное местоимение третьего лица единственного (*usted*) и множественного числа (*ustedes*), которая в отличие от остальных местоимений третьего лица гендернонейтральна. <https://www.rae.es/dpd/usted> (Дата обращения 07.05.2023).

Способы выражения множественного числа

Существует два основных способа маркировки множественного числа имени существительного: с помощью изменения непосредственно словоформы или добавления отдельного слова, меняющего значение имени. Первый способ включает в себя добавление префикса или постфикса, изменения тона, полное изменение основы или ее редупликацию. Вторым способом заключается в добавлении к имени самостоятельного слова или клитика. Язык может применять исключительно одну модель маркировки существительного, одну основную и несколько дополнительных или использовать сразу несколько без предпочтения к какому-то конкретному способу образования множественного числа имени существительного. Кроме того, существуют языки, в которых множественное число никак не отражается на словоформе существительного. В таком случае множественное число может быть закодировано в глагольную форму. Кроме того, есть языки, в которых особо маркируется форма единственного числа, а не множественного, например, в языке аари (омотская ветвь афроазиатской семьи) [Dryer 2013].

Глаголы могут выражать как множественность актанта, к которому относятся, так и множественность или интенсивность самого действия. Так, есть глаголы, значение которых подразумевает несколько актантов, поэтому могут употребляться либо с существительными во множественном числе, либо с собирательными существительными, например, немецкий глагол *wimmeln* («кишеть») или английский *teem* с тем же значением. Кроме того, непосредственно сама форма глагола может указывать на неоднократность, усиленность или массовость действия [Есперсен 1958: 198], как, например, в семитских языках. В языках, которым не свойственно выражение многократности действия в самой глагольной форме с помощью образования породы или прибавления суффикса, подобные оттенки значения передаются лексически с помощью наречий «часто», «много», «неоднократно» и др., или с помощью грамматических конструкций, как, например, в английском *used to* (описание повторяющегося действия в прошлом).

Множественное число и иерархия одушевленности

Маркировка множественного числа словоформы существительного может быть как обязательной, так и опциональной, при этом правила опциональности маркировки напрямую связаны с иерархией одушевленности. Существует тенденция, по которой словоформа имен, обозначающий лиц (и животных, если они относятся в этом языке к классу одушевленных), с большей вероятностью будет изменена для грамматического выражения множественного числа [Haspelmath 2013].

Тем не менее иерархия одушевленности не ограничивается оппозицией человек, животное/предмет или человек/животное, предмет. Так, в некоторых языках животные подразделяются на «высших» и «низших», первые из которых считаются одушевленными существительными, а вторые – неодушевленными, например, в языке тиви (язык-изолят в Австралии). Кроме того, существуют языки, в которых маркировку множественного числа получают только термины родства, а не все существительные, означающие лиц, как, например, в языках трансновогвинейской филологии амеле или вамбон [Haspelmath 2013]. Таким образом, иерархия одушевленности для маркирования множественного числа выглядит следующим образом:

Термины родства – другие лица – «высшие» животные – «низшие» животные – исчисляемые существительные – неисчисляемые существительные.

Согласно Хаспелмату, если подкласс существительных получает маркировку множественного числа в языке, то и остальные подклассы слева от него на шкале будут маркированы [Haspelmath 2013].

Подразумевается, что при обязательной маркировке множественного числа оно будет использоваться всякий раз, когда подразумевается. Тем не менее даже языки с обязательной маркировкой допускают ее опущение, когда существительное употребляется с числительным или другим словом, указывающим на количество предмета. Например, в лезгинском языке

маркирование множественного числа обязательно, но невозможно с числительными. Хаспелмат предлагает рассматривать подобное явление не как доказательство факультативности маркирования, а как подтверждение его обязательности, рассматривая числительное (или другое слово, обозначающее количество) как один из способов маркирования. Кроме того, обязательное маркирование множественного числа может отсутствовать при отсутствии конкретных референтов или в контексте обобщения. В языке йоруба маркер множественного числа не используется, если референты рассматриваются коллективно, но если они воспринимаются как группа предметов или лиц, то множественное число обязательно. Хаспелмат считает, что язык демонстрирует факультативное маркирование, если использование существительного во множественном числе не связано с отсутствием конкретного референта или использованием других языковых средств, подчеркивающих количество [Haspelmath 2013].

ГЛАВА II. РОД И ЧИСЛО В АМХАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Род имени существительного

Булах и Титов выделяют в амхарском языке два грамматических рода: мужской и женский, при этом большинство существительных, по их мнению, относится к мужскому роду, количество существительных женского рода же, напротив, незначительно. У одушевленных имен, обозначающих человека, грамматический род совпадает с биологическим полом [Титов, Булах 2013: 327]:

a. *set* (f)

«женщина»

b. *wänd* (m)

«мужчина»

c. *abbat* (m)

«отец»

Тем не менее большинство одушевленных существительных может обозначать лиц как мужского, так и женского пола, что позволяет говорить о наличии в амхарском языке слов общего рода:

d. *tämari* (f, m)

«ученик», «ученица»

e. *'astämari* (f, m)

«учитель», «учительница»

f. *säratäña* (f, m)

«работник», «работница»

Наиболее важным доказательством существования в амхарском общего рода можно считать то, что к нему относится слово *säwu* («человек»). Сравним:

<i>dəgg</i>	<i>säwu</i>	<i>nat</i>
добрый-SG	человек-SG	COP.3SG.F
«Она добрый человек».		
<i>dəgg</i>	<i>säwu</i>	<i>näwu</i>
добрый-SG	человек-SG	COP.3SG.M
«Он добрый человек».		
<i>dəgg</i>	<i>säwu</i>	<i>näh</i>
добрый-SG	человек-SG	COP.2SG.M
«Ты добрый человек» (к мужчине).		
<i>dəgg</i>	<i>säwu</i>	<i>näš</i>
добрый-SG	человек-SG	COP.2SG.F
«Ты добрый человек» (к женщине).		

Как видно из примеров выше, слово *säwu* нельзя отнести ни к женскому, ни к мужскому роду, так как оно может согласоваться с глаголом, прилагательным, местоимением и артиклем как по мужскому, так и по женскому роду в зависимости от биологического пола описываемого лица. Таким образом, выделение в амхарском общего рода можно считать обоснованным.

К словам общего рода в амхарском языке относятся прежде всего существительные, образованные при помощи профессионального суффикса - *(t)äña* (f), а также отглагольные существительные, обозначающие имя деятеля (d, e). К собственно одушевленным существительным только мужского или женского рода относятся названия некоторых членов семьи (*'ənnat* «мать», *wändəmm* «брат», *'aggot* «дядя»), а также самцов и самок некоторых животных (*'anbäsa* «лев», *'anbäsit* «львица», *lam* «корова», *bäg* «баран»). В то же время

следующие термина родства (и все от них образованные) являются существительными общего рода:

g.   '*ayat* (f, m)

«дедушка», «бабушка»

h.   '*ləǧ* (f, m)

«дочь», «сын»

Кроме того, большинство наименований животных относятся к словам общего рода, а те немногие, имеющие различные слова для обозначения самца и самки, являются исключительно млекопитающими и либо культурно значимыми животными, либо широко используемыми в хозяйстве. При этом слова для обозначения самца и самки могут как быть образованы от одного корня, то есть деривационным способом, (*'anbäsa* «лев», *'anbäsit* «львица»), так и при помощи супплетивизма (*lam* «корова», *bäre* «бык»). Это подтверждает теорию Есперсена о том, что язык различает самок и самцов лексически в первую очередь для наиболее значимых для человека животных [Есперсен 1958: 222].

Выражение биологического пола при использовании существительных общего рода осуществляется синтаксическим и/ли лексическим способом, при этом первый является обязательным, а второй – факультативным. Так, в зависимости от пола описываемого лица используются глагол, указательное местоимение и/ли артикль в соответствующей форме. Что касается лексического способа, то для того, чтобы подчеркнуть пол, можно перед словом общего рода поставить *set* («женщина») или *wänd* («мужчина») для людей и *'ənnäst* («самка») или *'awura* («самец») для животных [Ганкин 1969: 910], хотя *set* («женщина») или *wänd* («мужчина») могут также употребляться и с названиями животных [Zealelem 2011: 74].

Большинство неодушевленных существительных относится к мужскому роду. Тем не менее существует небольшая группа неодушевленных существительных, относящихся к женскому роду. Это слова, связанные в первую очередь семантически с религией и родиной. Ганкин называет данное распределение неодушевленных слов между родами «культурно-историческим принципом» [Ганкин 1969: 910]. Однако грамматико-синтаксическое выражение рода существительных этой группы неоднозначно. Так, слово *(h)agär* («страна») может согласовываться как по женскому, так и по мужскому роду. Например, в переводе книги Бытия на амхарский встречается оба варианта, однако нельзя сказать, что выбор рода осуществляется хаотично: в нем прослеживается определенная тенденция. Если под *(h)agär* подразумевается какая-то определенная страна или земля, чье название фигурирует в предложении ранее, тогда это слово согласуется по женскому роду. Если же страна или провинция остается в тексте еще не названной или ее название было упомянуто давно, то согласование будет происходить по мужскому роду. Таким образом, женский род является в данном случае маркером референциальности. Сравним:

Бытие 34:30

Bä-zi-č 'agär

В-это-F   страна

«В этой земле»

В данном случае под словом *'agär* подразумевается упомянутый ранее город Сихем.

Бытие 35:21

Bä-zziya-č   'agär

В-это-F   Страна

«В этой земле»

Хотя точное название земли в данном случае отсутствует, в этом стихе, а также в Быт. 35:19 и Быт. 35:20 содержится подробное описание ее местоположения.

Бытие 34:1

<i>Dina-m</i>	<i>yä-zziya-n</i>	<i>'agär</i>	<i>set-očč</i>	<i>läğ-oččä-n</i>	<i>lä-m-ayyä-t</i>	<i>wätta-č</i>
Дина-	POSS-	земля	Женщина-	Ребенок-	для-INF-	Выходить-
PART	это.М-АС		PL	PL-АС	увидеть-INF	3.SG.F.PERF

«Дина же пошла знакомиться с девушками этой земли».

В этой главе книги Бытия название данной земли еще не фигурировало, поэтому *'agär* согласуется с указательным местоимением по мужскому роду. Таким образом, согласование по женскому роду выражает анафорическую референциальность.

Стоит отметить, что названия всех современных стран согласуются исключительно по женскому роду:

<i>Tanzaniya</i>	<i>kä-kenya</i>	<i>gar</i>	<i>tə-wasänn-allä-čč</i>
Танзания.Ф	с-Кения.Ф	с	3.F.COMIMPRF ⁹ -граничить-COMIMPRF-3.SG.F

«Танзания граничит с Кенией».

Кроме того, слово (*h*)*agär* может согласовываться по мужскому роду, если подразумевает под собой не страну (землю), а ее население, как, например, в народной песне:

<i>Täwu</i>	<i>səma-ñ</i>	<i>hagär-e</i>
INJ	INF.SG.М.слушать-POSS.1SG	Страна-POSS.1.SG

«Ну-ка, послушай меня, народ мой».

Сложнее обстоит дело с грамматическим родом слова *kätäma* (город). Согласно грамматике амхарского, оно относится к женскому роду [Appleyard 1995: 33], однако согласуется с другими частями речи как по женскому, так и

⁹ SOMIMPRF – здесь и далее сложный (составной) имперфект. Все сокращения, использованные при глоссировании, и не относящиеся к стандартным сокращениям, принятыми Лейпцигской школой глоссирования, см. в списке сокращений.

по мужскому роду. Скорее всего, согласование по мужскому роду – тенденция разговорного языка, а не литературная норма:

Коран 15:76.

<i>'əswa-m</i>	<i>(kätäma-ytu)</i>	<i>bä-kätəta</i>	<i>mängäd</i>	<i>lay</i>	<i>nat</i>
3.SG.F-PART	город-DART.F	в-прямой	путь	на	COP.3SG.F

Он же, воистину, (этот город) находится на прямом пути.

Согласование по мужскому роду встречается чаще всего в устной речи, а также в интернет-блогах и амхароязычной Википедии¹⁰:

<i>Bä-'ahun-u</i>	<i>gize</i>	<i>yä-däbub</i>	<i>Wällo</i>	<i>wana</i>	<i>kätäma</i>	<i>näwu</i>
в-сейчас-DEF.M	время	POSS-юг	Волло	главный.CG	город.M(?)	COP.3SG.M

«В настоящий момент это столица Южного Волло».

При этом аналогичной слову *(h)agär* тенденции, связанной со вторичным упоминанием местности, со словом *kätäma* обнаружить не удалось.

Отсутствие четкой границы между женским и мужским родом у неодушевленных существительных дополнительно иллюстрируется тем, что в рамках одного и того же текста носитель может согласовывать одно и то же слово как по женскому, так и по мужскому роду в соседних предложениях. Хотя в данном случае речь идет в первую очередь об уровне грамотности автора текста, справедливо отметить, что в согласовании по роду с одушевленными существительными носители амхарского не путаются. Кроме того, различные грамматики языка приводят отличающиеся списки неодушевленных существительных, относящихся к женскому роду. Родовая вариативность неодушевленных слов и факультативность маркирования женского рода при согласовании у ряда неодушевленных существительных, определяемых, согласно «культурно-историческому принципу», к женскому роду, неоднократно отмечается исследователями амхарского языка [Zealelem 2011: 93 – 94]. Однако важно еще раз подчеркнуть, что данное явление относится только к неодушевленным существительным: одушевленные же

¹⁰ <https://am.wikipedia.org/wiki/%E1%8B%B0%E1%88%B4> (Дата обращения: 10.05.2023)

существительные, означающие лиц и некоторых животных, всегда согласовываются с другими частями речи по роду, соответствующему биологическому полу, поэтому, несмотря на то что большинство лиц обозначаются существительными общего рода, пол описываемого человека в большинстве случаев понятен (случаи, когда пол описываемого лица сложно определить, будут описаны далее). Кроме того, для ряда животных не существует слова общего рода, обозначающего всех особей независимо от их половой принадлежности, поэтому в речи всегда понятно, имеется в виду самка или самец. К этой категории животных относится крупный рогатый скот, активно используемый в сельском хозяйстве и имеющий разные лексические единицы для наименования самки и самца, то есть слова, обозначающие самку или самца не являются гендерно-нейтральными и не могут подразумевать под собой всех представителей данного вида, не зависимо от пола. Вероятно, это связано с тем, что самцы и самки крупного рогатого скота по-разному используются в хозяйстве. Кроме того, у амхара существует письменно не зафиксированный запрет на использование в пищу самок рогатого скота. Для животных, феминитив от чьих названий образуется при помощи суффикса *-it*, наименование самца может служить для обозначения всех представителей вида вне зависимости от биологического пола, то есть является в некоторых контекстах гендерно-нейтральной формой. Обязательная корреляция с биологическим полом происходит либо при необходимости подчеркнуть пол животного, либо если человек метафорически сравнивается с этим животным, чтобы подчеркнуть качество, приписываемое как этому животному, так и данному конкретному лицу, например:

<i>'anbäsa</i>	<i>näh!</i>
лев-М	COP-2SG-M
«Ты молодец!» (мужчине)	

<i>'anbäs-it</i>	<i>näš!</i>
лев-F	COP-2SG-F

«Ты молодец!» (женщине)

Стоит также отметить, что суффикс *-it* может добавляться к названиям животных не только в качестве феминитива, а как уменьшительно-ласкательный суффикс, чтобы подчеркнуть небольшой размер животного, при этом согласование по женскому роду становится обязательным, даже несмотря на то, что биологический женский пол животного не подразумевается и речь может идти в таком случае в равной степени как о самке, так и о самце. Помимо суффикса *-it* для обозначения маленьких габаритов зверя могут использоваться также определенные артикли женского рода *-wa* или *-itu* (*ayt-itu* «этот мышонок») [Ганкин 1969: 910], причем второй артикль, по-видимому, был образован от слияния суффикса *-it* и артикля мужского рода *-u*. Таким образом, данный суффикс, помимо своей первоначальной роли феминитива, превращается в деривативный уменьшительно-ласкательный суффикс.

Вероятно, одной из причин вариативности грамматического рода у неодушевленных слов из «культурно-исторического» списка является то, что морфологически род у них не выражен, как в принципе и у подавляющего большинства существительных амхарского языка за исключением преимущественно заимствований из языка геэз:

mänäkus-it (f)

монах-SX.F

«монахиня»

Женский род у данных существительных выражается морфологически с помощью суффикса $-(i)t$, который в качестве продуктивной морфемы существует и в амхарском языке, хотя, вероятно, был заимствован из геэза, и чьи значения в амхарском были описаны выше.

Принято считать, что семитский суффикс женского рода *-t*, к которому восходит геэзский суффикс $-(i)t$, утрачен в современном амхарском языке. Тем

не менее попробуем выделить небольшую группу слов женского рода, предположительно восходящих к общесемитским корням и сохранившим суффикс женского рода *-t*: *’əhət* («сестра»), *’ənat* («мать»), *set* («женщина»). Вероятно, эта группа слов оставалась ранее незамеченной, так как в целом для амхарского языка не характерно морфологическое выделение рода существительного, а большинство морфологически маркированных слов являются заимствованиями из геэза. Кроме того, даже одушевленные существительные, образованные от общесемитских корней, относятся преимущественно к общему роду (*’astärgwami* «переводчик», «переводчица»). Поэтому вышеперечисленные слова воспринимались исследователями либо как заимствования из геэза (*’əhət*), либо не воспринимались как слова, восходящие к прасемитскому корню из-за того, что они претерпели сильные изменения (*set*).

Для того, чтобы проверить, восходят ли вышеперечисленные три слова к общесемитскому корню, сравним их для начала с реконструкцией прасемитского языка и языками других групп семитской языковой семьи:

Таблица 1

№	Амх.	ДЕЯ ¹¹	ЛАЯ ¹²	БАЯ	Геэз	ПРСЯ [Kogan 2012]	Перевод
1	<i>’əhət</i>	<i>’aḥot</i>	<i>’uḥt</i>	<i>’aḥat</i>	<i>’əhət</i>	<i>*ʔaḥ-āt-</i>	сестра
2	<i>Set</i>	<i>’išā</i>	<i>’unt̪y</i>	<i>’in’i’otā’</i> <i>’itā’</i> <i>’ittā’</i>	<i>’ənəst</i>	<i>*ʔant̪-at-</i>	женщина
3	<i>’ənat</i>	<i>’em</i>	<i>’umm</i>	<i>’em</i>	<i>’əm</i>	<i>*ʔimm-</i>	мать

На первый взгляд можно с уверенностью сказать, что №1 в амхарском действительно восходит к общесемитскому корню, так как его сходство с

¹¹ Древнееврейский (далее – ДЕЯ) и библейский арамейский (далее – БАЯ) транслитерируются по правилам ISO 259.

¹² Арабский (далее – ЛАЯ) транслитерируется по правилам ISO 233.

прасемитской реконструкцией, ДЕЯ, ЛАЯ и БАЯ очевидна. Что касается №3, то также очевидно абсолютное расхождение с синонимичными словами в родственных языках и реконструкции, однако хорошо заметно сходство №3 в амхарском с №2 в реконструкции, а также в ЛАЯ и БАЯ. Можно предположить, что №3 в амхарском действительно восходит к общесемитскому корню со значением «женщина», просто в процессе развития языка значение слова изменилось, что представляется вполне вероятным, так как понятие «женщина» включает в себя понятие «мать» в значении «женщина, родившая как минимум одного ребенка».

Вернемся к №2. Вначале может показаться, что, в то время как корни ЛАЯ и БАЯ восходят к прасемитской реконструкции, слова амхарского и ДЕЯ образованы от других корней, но это не так. Рассмотрим для начала древнееврейский корень *'išā*. Во-первых, прасемитский межзубный *t* соответствует *š* в ДЕЯ. Во-вторых, корневая согласная *n* выпадает в единственном числе, но присутствует во множественном (*nāšim* «женщины»), таким образом прасемитский корень из трех согласных *'nt* реконструируется для ДЕЯ. Что касается амхарского языка, то в эфиосемитских языках прасемитскому *t* соответствует *s* (см. Таблицу 2). Кроме того, как видно по примерам из ДЕЯ и БАЯ, вторая корневая гласная *n* имеет склонность к выпадению в этом корне. Если предположить, что первый согласный звук, горловая смычка, которая не представлена в фонологии современного амхарского языка, тоже редуцировалась в процессе развития, то слово №2 также можно возвести к прасемитскому корню, и в таком случае как №2, так и №3 восходят в амхарском языке к одному прасемитскому корню. В таком случае в №2 от прасемитского корня сохранилась только конечная согласная *s*, а *t* является суффиксом женского рода. Однако на данном этапе доказательства семитского происхождения слов №2 и №3 не являются достаточно убедительными.

Чтобы доказать, что эти три слова не были заимствованы в амхарский из языка геэз, сравним их с синонимичными корнями в других языках эфиосемитской группы.

Таблица 2

№	Амх.	Геэз	Тигринья	Харари	Тигре	Зай	Гафат
1	'əhət	'əhət	ḥawäti	'ihit	'əhət	Нет данных	'alət
2	set	'ənəst	gwalänəstäyti	'indoč	'əsit	set	'ansətä
3	'ənat	'əm	'anno	'āy	'əm	'ayi	'əmwit

Сравнив №1 в амхарском и других эфиосемитских языках, можно утверждать, что это слово не является заимствованием из геэза, а относится к общеэфиосемитской лексике, хотя и звучит как в амхарском, так и в геэзе идентично. Однако в харари и тигре №2 также звучит идентично геэзскому слову (если брать в расчет, что в харари нет гласного звука э [Титов, Булах 2013: 416]), хотя данные языки не испытали геэзского влияния в силу религиозных причин: геэз является языком эфиопской и эритрейской церквей, но большинство носителей харари и тигре – мусульмане. Некоторое количество заимствований из геэза встречается исключительно в миссионерских переводах христианских текстов на тигре [Титов, Булах 2013: 416], но это лишь доказывает отсутствие как такового влияния геэза на разговорный тигре. При этом тигре относится, как и геэз, к северной подгруппе эфиосемитских языков, а амхарский и харари – к южной.

Что касается №2, то стоит отметить, что, хотя это слово в харари образовано явно от другой основы, «женский» на харари будет 'ənəsti, то есть происходит от общесемитского корня. Кроме того, младшие родственницы мужа, обращаясь к женщине, используют слово šot, которое может являться однокоренным амхарскому set, однако мы не располагаем достаточным количеством информации, чтобы доказать это. Тем не менее прасемитский корень со значением «женщина» совершенно точно сохранился в языке

харари, хотя только в качестве прилагательного. Как видно из таблицы, у №2 общесемитский трехбуквенный корень сохранился полностью с учетом изменения межзубного *t* на *s* в языках геэз, гафат, харари и тигринья. В языке тигре №2 также восходит к прасемитскому №2, при этом, как и в ДЕЯ, вторая согласная корня *n* редуцируется только в единственном числе, но появляется в форме множественного числа (*'ans* «женщины»). Семитское происхождение №2 в зай и амхарском пока будем считать недоказанным.

Отсюда можно сделать два вывода. Во-первых, прасемитский корень №2 является общеэфиосемитским, так как языки, в которых данный корень сохранился, относятся к разным подгруппам эфиосемитской группы: геэз, тигринья и тигре – северная подгруппа, гафат и харари – южная, при этом в данных языках южной подгруппы №2 не заимствовался из геэза. Во-вторых, корневой согласный *n* в №2 имеет общую тенденцию редуцироваться (по крайней мере в единственном числе), что видно на примерах из тигре и ДЕЯ, то есть языках, принадлежащих к разным группам и не находящимся в близком языковом родстве. Этим можно объяснить редукцию *n* в амхарском и зай. Во множественном числе в амхарском второй реконструируемый согласный не появляется (*set-oč* «женщины»), но способ образования множественного числа в амхарском сильно отличается от общесемитского, в том числе в амхарском практически не сохранилось неправильное или ломанное множественное, демонстрируемое в данном случае в тигре и ДЕЯ (подробнее см. Главу III).

Что касается первого корневого гласного, то для амхарского языка характерна редукция начального корневого алефа в шестом порядке¹³ в трехрадикальных словах, при этом в некоторых случаях употребление формы

---

¹³ Здесь и далее шестым порядком будет называться принятое в эфиопистике обозначение слога с гласным звуком *ə*. «Шестой» — это порядковый номер порядка в рамках системы слогов в эфиопском алфавите: *ha, hu, hi, ha, he, hə, ho*.

с начальным алефом факультативно, в других же случаях эта форма вышла из употребления:

Таблица 3

Слово с алефом	Слово без алефа	Значение
'aras	Ras	Голова
'arob	Rob	Среда
'aruz	Ruz	Рис
'aruča	Ruča	Бег
'aruk	ruk	Далекий
'arat	Rat	Ужин
'aresa	Resa	Труп
'arub	Rub	Четверть

Однако для редукции начального алефа в шестом порядке в трехрадикальных словах, судя по всему, должно быть выполнено следующее условие: второй радикал должен быть во втором, третьем, четвертом, пятом или седьмом порядке, то есть второй слог должен содержать в себе гласную *a*, *u*, *i*, *e*, *o*. Трехрадикальные слова с редуцируемым алефом, в которых второй радикал стоит в первом или шестом порядке (гласные звуки *ā* и *ə*) не были найдены. В слове *set* второй радикал предположительного исконного корня как раз имеет пятый порядок.

Таким образом возведение слова *set* к общесемитскому корню и выделение в нем общесемитского окончания *-t* можно считать вполне обоснованным.

Что же касается происхождения слова 'anat, то Булах и Титов относят явно родственное ему 'anno в тигринье к кушитским заимствованиям и приводят параллели в таких современных кушитских языках, как афар и хамтанга [Титов, Булах 2013: 307]. Судя по всему, конечный *t* не является

корневой согласной в амхарском слове (так как ни в тигринье, ни в кушитских языках его нет), а в данном прасемитском трехбуквенном корне конечный *t* не склонен к редуцированию (в отличие от второго *n*). Кроме того, как уже было указано ранее, в эфиосемитских языках этот звук переходит в *s*. Тенденция к редуцированию конечного радикала *s* в отличие от начального алефа в шестом порядке в амхарском языке не обнаружена: но даже если предположить ее наличие, остается неясным, почему два первых радикала, действительно имеющих склонность к редукции в амхарском и/ли в целом в семитских языках, сохранились.

По всей видимости, это действительно слово кушитского происхождения, несколько видоизменное амхарским языком по модели, свойственной терминам родства: начальный алеф в четвертом или шестом порядке, один (реже – два) корневой радикал, конечный *-(a)t*:

$\text{'э}' a - X_1 - (X_2) - (V)t$

По такой модели образован термин родства *agot* («дядя»), чей корень также очевидно является кушитизмом (для сравнения №3 в языках харари и зай). Однако, помимо кушитизмов, по такой же модели образованы термины родства однозначно семитского происхождения (с и №1). Видимо, именно это, а не заимствование из геэза, является причиной идентичности слова №1 в амхарском и геэзе.

Таким образом, слово №3 не имеет ни семитского происхождения, ни общесемитского окончания женского рода *-t* (как изначально предполагалось), так как в данном случае речь идет о случайно созвучном ему окончанию амхарской модели образования терминов родства. При этом подобное окончание имеют термины родства как женского, так и мужского, и общего родов, то есть какой бы то ни было гендерной коннотации в данном случае не наблюдается.

Что же касается слова №1, то конечная *-t* в нем все же имеет семитское происхождение, однако изначально семитская модель слова совпала с амхарской моделью образования терминов родства, в результате чего слово №1 «сохранило» семитский маркер женского рода *-t*, который, тем не менее, утратил свое первоначальное значение и не воспринимается современными носителями как морфологическое выражение женского рода. Можно предположить, что слово №1 сначала утратило конечный *-t*, а затем «снова получило» его для того, чтобы соответствовать модели образования терминов родства. Однако данное предположение опровергается тем, что в других эфиосемитских языках с аналогичной формой слова №1 подобной модели образования терминов родства нет, хотя данная модель, по-видимому, наблюдается в языке гафат, то есть не является исключительно амхарским феноменом. Кроме того, остальные термины родства, образованные по данной модели, имеют долгий гласный перед конечной *-t* (*agot* «дядя», *abat* «отец»). Только слова *'ahat* («сестра») и *'akasat* («тетя») имеют краткий э в последнем слоге, при этом *'akasat* является кушитизмом и было заимствовано в амхарский язык уже с конечным *-t*, что также подтверждает то, что в слове №1 *-t* имеет семитское происхождение, хотя и утратило первоначальное значение.

Таким образом, наличие морфологического маркирования рода существительного в амхарском с помощью общесемитского суффикса (окончания) *-t* доказано, однако эта морфема носит исключительно рудиментарный характер и не является продуктивной, так как с ее помощью невозможно образовать слово женского рода (феминитив) от слова мужского рода, как это происходит в геэзе, тигре, ДЕЯ и ЛАЯ. Исключения составляют парные заимствования из геэза, а также исконно амхарские слова, сочетаемые с заимствованным из геэза суффиксом *-it*, восходящим к общесемитской морфеме, однако имеющим в амхарском языке не только феминитивную, но и уменьшительно-ласкательную коннотацию. Подобное явление встречается и в других языках, например, в русском: суффикс *-к* может как являться

феминитивом (*автор-к-а, россиян-к-а*), так и выполнять уменьшительно-ласкательную функция (*гор-к-а*).

Род имени прилагательного

В амхарском языке абсолютное большинство прилагательных не изменяется по роду, то есть имеет только форму общего рода и может сочетаться как со словами общего рода, так и со словами мужского или женского рода, не изменяя словоформы. Морфологические признаки рода преимущественно имеют прилагательные, заимствованные из языка геэз (*kəddus* «святой», *kəddəs-t* «святая») [Ганкин 1969: 913].

Тем не менее от некоторых исконно амхарских прилагательных можно образовать форму женского рода при субстантивации, используя заимствованный из геэза суффикс женского рода *-it* (*wub-it* «красивая»).

По роду изменяется группа прилагательных, обозначающая религиозную, национальную или идеологическую принадлежность и образованная с помощью суффикса *-awi* для мужского рода и присоединения к нему еще одного суффикса *-t* – для женского (*rusiy-awi* «российский», *rusiy-awi-t* «российская»).

При этом стоит отметить, что в амхарском языке отсутствует четкая граница между существительными и прилагательными, поэтому субстантивация и адъективизация – распространенные в языке явления [Титов, Булах 2013: 326]. Таким образом, *rusiyawit* и *wubit* могут использоваться в языке в качестве существительных со значениями «россиянка» и «красавица» соответственно.

Род местоимений

Местоимения наряду с глаголом являются единственными частями речи в амхарском, чье согласование по роду является обязательным. В амхарском языке местоимения делятся на личные, указательные, вопросительные, неопределенные, возвратные, а также слитные местоименные суффиксы.

Личные местоимения второго и третьего лица имеют форму как женского, так и мужского рода. Исключение составляют формы вежливости общего пола для второго и третьего лица:

a. 'ə(r)swo(t)

«Вы» к мужчине или женщине уважительно

b. 'ə(r)saččäwu

«он» или «она» уважительно

Указательные местоимения также имеют форму как женского, так и мужского рода, при этом формы женского рода образованы от мужских с добавлением суффикса $-(ə)č$:

c. yəh (m)

«ЭТОТ»

d. yəh- əč (f)

«ЭТА»

e. ya (m)

«ТОТ»

f. ya-č (f)

«ТА»

Существуют также вежливые формы указательных местоимений, которые также относятся к общему роду и не дифференцируются по биологическому полу лица:

g. 'əññih

«ЭТОТ», «ЭТА» уважительно

h. 'əññiya

«Тот», «та» уважительно

Таким образом, как в личных, так и в указательных местоимениях вежливой формы род не маркируется. Кроме того, личные местоимения вежливой формы согласуются с глаголом по множественному числу:

<i>'əssaččäwu</i>	<i>dəgg</i>	<i>Säwu</i>	<i>naččäwu</i>
PER.3.POL	добрый-	человек-	COP.3.PL
	CG	CG	

«Он(а) добрый человек (уважительно)».

Однако нельзя сказать, что род никак не маркируется при уважительном обращении к кому-то во втором или третьем лице. Информация о биологическом поле при наличии вежливого местоимения может имплицитно содержаться в предложении в форме прилагательного или существительного, если последнее не является словом общего рода:

<i>'əssaččäwu</i>	<i>mänäkus-it</i>	<i>naččäwu</i>
PER.3POL	монах-F	COP.3PL

«Она монахиня (уважительно)».

Похожим образом обстоит дело с выражением биологического пола у первого лица единственного и множественного числа, так как личные местоимения и глагольные формы первого лица не различаются по роду. Тем не менее, информация о биологическом поле так же, как и в случае с уважительным обращением, может имплицитно выражаться в форме прилагательного или существительного не общего рода:

<i>'əñä</i>	<i>mänäkus-it</i>	<i>näñ</i>
PER.1SG	монах-F	COP.1SG

«Я монахиня».

Род у глагола, артикля, числительных

Грамматический род в амхарском языке проявляется на согласовательном уровне. В изъявительном наклонении в перфекте и простом имперфекте, всех образованных от них сложных временных формах, а также в желательном наклонении (юссиве) глагол согласуется по роду во втором и

третьем лице единственного числа, при этом форма глагола первого лица единственного и множественного числа не различается по роду ни в одном из времен и наклонений. В повелительном наклонении (императиве) у глаголов имеются формы женского и мужского рода для второго лица единственного числа [Ганкин 1969: 929 – 938] (*na* «подойди к мужчине», *näy* «подойди к женщине», *bäla* «ешь к мужчине», *bäy(i)* «ешь к женщине»).

Для выражения категории определенности в амхарском языке служит артикль, различающийся в единственном числе по форме в женском (*-wa*, *-itu*, *-u(ə)tu*) и мужском (*-(w)u*) роде [Ганкин 1969: 912].

Единственным числительным, имеющим форму женского рода, является числительное *and* («один»), женская форма которого *andit* («одна»), но ее использование факультативно [Ганкин 1969: 915].

Особые случаи согласования по женскому роду

Помимо выражения биологического пола, согласование по женскому или мужскому роду может иметь в амхарском языке и иные значения [Hartmann 1980: 278]. Так, согласование по женскому роду с неодушевленными существительными (и реже – с животными) может иметь коннотации уменьшительности или пренебрежения в зависимости от контекста [Ганкин 1969: 910].

Кроме того, как уже описывалось в ранее, животные маленького размера могут согласовываться с артиклем, местоимением и/ли глаголом по женскому роду безотносительно биологического пола особи, а для того, чтобы подчеркнуть его небольшой размер [Zealelem 2011: 90 – 91].

Обращение же к мужчине в женском роде может означать как уничижительность и иронию [Титов, Булах 2013: 364], так и братско-дружеские отношения между собеседниками мужского пола (преимущественно в городах, в деревнях же обращение к мужчине в женском

роде до сих пор носит исключительно пейоративный характер, согласно информанту №1).

Кроме того, пожилой мужчина может обратиться к молодому собеседнику мужского пола в женском роде, чтобы подчеркнуть разницу в возрасте и социальную дистанцию между ними [Aikhenvald 2019: 6]. Фраза из разговора информанта с дедушкой:

<i>anči</i>	<i>gorämäš</i>	<i>m-alä-t</i>	<i>näwu</i>	<i>mä-tazäz-m</i>	<i>tə-tä-š-al</i>	<i>bähuala</i>	<i>al-äkä-š-m</i>
2SG.F.	юнец-CG	INF-	COP.	INF-	COMIMPRF	потом	NEG.1SG-
PP		говорить	3SG.M	слушаться-	.2SG.F-		COMIMPRFотпу
		-INF		INTP	прекратить-		стить-
					2SG.F-		2SG.F.PSX-NEG
					COMIMPRF		

«Ты еще слишком молодой/неопытный, чтобы слушаться. Лучше тебе прекратить! В следующий раз я тебе [этого] не спущу».

Но, согласно информации, полученной от информанта №1, пожилой мужчина может обратиться в женском роде к более молодому собеседнику, только если знаком с ним лично, как в приведенном выше примере.

Обращение к женщине в мужском роде, напротив, может означать восхищение и поощрение [Aikhenvald 2019: 9]. Кроме того, женщины в разговоре друг с другом могут использовать форму мужского рода, чтобы подчеркнуть близость и степень доверия [Aikhenvald 2019: 9].

Число имени существительного и местоимения

Титов и Булах выделяют в амхарском языке три числа имени существительного (единственное, множественное и ассоциативное) [Титов, Булах 2013: 328 – 329], в то время как Хартманн выделяет пять чисел (единственное, суммирующее, дистрибутивное, партитивное и групповое множественное) [Hartmann 1980: 282].

Собственно множественное число или, по Хартманну, аддитивное множественное образуется у имен в первую очередь с помощью суффикса – (w)оṣṣ, не зависимо от рода. Форма -оṣṣ используется, если основа слова

оканчивается на согласный звук, если же на гласный, то добавляется *-wočč* (*abäba* «цветок», *abäba-wočč* «цветы»), хотя факультативно может происходить «сращение» морфем, при котором конечный гласный основы редуцируется (*abäb-očč* «цветы»). Исключения составляют имена, заканчивающиеся в единственном числе на суффиксы *-awi/-awit*. К ним для образования множественного числа добавляются суффиксы *-an/-at* для мужского и женского рода соответственно, при этом гласный звук *i* в первом суффиксе перед начальным гласным второго суффикса переходит в *iy* (*afrikawiyān* «африканцы», *afrikawiyat* «африканки»).

При этом для образования формы множественного числа женского рода суффикс единственного числа женского рода *-t* замещается на суффикс множественного числа женского рода (*afrik-awi-t* «африканка», *afrik-awi-yat* «африканки»). Так как слова, образованные подобным образом, могут быть как существительными, так и прилагательными, стоит отметить, что в амхарском языке маркирование множественного числа обязательно для имени существительного, но в некоторых случаях факультативно для имени прилагательного, однако подробнее об обязательном маркировании будет написано ниже.

Изначально заимствованные из геэза слова сохраняли свою исконную форму множественного числа (суффиксы *-an/-at* для мужского и женского рода соответственно или так называемое «ломанное множественное» с внутренней флексией), однако в современном амхарском языке к ним также может добавляться амхарский суффикс *-(w)očč* в качестве альтернативной формы множественного числа. Использование геэзских форм множественного числа считается архаизмом и встречается преимущественно в религиозной литературе. Более того, современные носители амхарского языка, тесно не знакомые с геэзом, не воспринимают геэзские формы как показатель множественного, поэтому могут добавить к ним амхарский суффикс *-očč* [Титов, Булах 2013: 329] (*māmhər-an-očč* «духовные наставники»). Хотя это в

некоторой степени свидетельствует о малограмотности, речь в данном случае идет об «образованиях по аналогии» [Гвоздев 1961: 16], то есть носители, малознакомые с нормой литературного языка, пытаются унифицировать амхарскую грамматику, избавив ее от исключений и чуждой логике языка моделей словоизменения. Кроме того, это также может свидетельствовать и об ассимиляции заимствований из геэза.

Однако отказ от использования геэзской формы множественного числа у заимствованных слов не всегда указывает на безграмотность. Так, например, слово *həzb* («народ») было заимствовано в амхарский из геэза в форме единственного (непосредственно *həzb* «народ») и множественного числа (*ʾahzab* «язычник», «языческий народ») параллельно с двумя разными значениями. В геэзе этим словом называли исключительно языческие (не христианские) народы, видимо, по аналогии с танахическим *gəwim* («народы»), которое, однако, в единственном числе (*gəw* «народ») может относиться в том числе и к евреям, как, например, во Втор. 4:7¹⁴, но во множественном числе указывает, как правило, на народы, не исповедующие иудаизм, как в Быт.10:5. При этом форма множественного числа в геэзе воспринимается амхарским как форма единственного числа, и от обоих слов образуется правильное множественное с помощью суффикса *-očč* (*həzb-očč* «народы», *ʾahzab-očč* «язычники»). Таким образом, изменение основы, несущее изначально в геэзе словоизменительную функцию, при заимствовании в амхарский стало обозначать словообразовательную функцию.

Другим примером может служить слово *wäf*, которое относится к общеэфиосемитской лексике и не было заимствовано из геэза, однако имеет две параллельные формы множественного числа, «геэзскую» и «амхарскую», с разными значениями (*ʾa ʾəwaf* «разные виды птиц», *wäf-očč* «птицы»).

---

¹⁴ Здесь и далее при упоминании библейского текста на древнееврейском языке используется следующий ресурс: <https://azbyka.ru/biblia/?i> (дата обращения: 20.05.2023).

А заимствованное из геэза *'əgzi'ə* превратилось в современном амхарском в *singularia tantum*. В то время как в геэзе это означает «господин», «владелец», «властитель», в амхарском языке это слово воспринимается как сокращенная форма от обозначения библейского Б-га (*'əgzi'abher* – полная форма, дословно с геэза «Властитель страны»), поэтому в силу его единственности во множественном числе не употребляется.

Ряд существительных образует форму множественного числа при помощи редупликации, Хартманн называет этот феномен «партитивным множественным числом». Согласно Хартманну, эта разновидность множественного обозначает либо несколько разновидностей внутри одного класса предметов, либо части целого или вещества [Hartmann 1980: 290]. В данном случае для образования множественного числа основа полностью редуплицируется, а между основой и ее редупликацией ставится интерфикс *-a-*, при этом обе основы могут писаться как слитно, так и раздельно. Ниже представлен полный список слов, образующих партитивное множественное:

Таблица 4

<i>bärät</i>	Железо	<i>bärät-a-bärät</i>	куски железа, виды железа, материалы из железа
<i>fre</i>	фрукт, плод	<i>fr-a-fre</i>	разные виды плодов
<i>wänz</i>	Река	<i>wänz-a-wänz</i>	участки реки, речные потоки
<i>get</i>	украшение	<i>geṭ-a-geṭ</i>	разные виды украшений
<i>kaṭal</i>	листва, зелень	<i>kaṭl-a-kaṭal</i>	разные виды растений
<i>čärq</i>	ткань	<i>čärq-a-čärq</i>	разные виды ткани, отрезки ткани

Таким образом, подобным способом образует множественное лишь немногочисленная группа слов, которая способна также образовывать форму

обычного суммирующего множественного с помощью суффикса *-očč* (*kətal-očč* «листья»).

Интерфикс *-a-* для образования двусоставного множественного появляется, по мнению Хартманна, также в слове *'asr-a* при образовании числительных от 11 до 19 (*'asr-a hulätt* «двенадцать») [Hartmann 1980: 291], однако в данном случае на восприятие амхарского явно влияет родной Хартманну немецкий язык, в котором числительное от 13 до 19 и от 21 до 99 образуются двумя разными способами, так как в амхарском двусоставные числительные от 11 до 99 образуются по абсолютно одинаковой модели, при этом десятки действительно заканчиваются на *-a* (*haya* «двадцать», *hamsa* «пятьдесят»). Но вряд ли в данном случае речь идет о том же тематическом гласном, с помощью которого образуется множественное число существительных. Тем более, что Хартманн описывает происхождение данной морфемы следующий образом: она образована от *ha*, то есть устаревшей формы предлога *kä* или *'ə* со значением «от, у» [Hartmann 1980: 290], упоминания формы *ha* у какого-то другого исследователя, помимо Хартманна, найти не удалось, но *kä* и *'ə* не являются ни разными формами одного предлога, ни синонимичными предлогами. Если предлог *kä* означает «от, из», то предлог *'ə* является диалектной и устаревшей формой предлога *bä*, имеющего значения «в». Поэтому данная теория происхождения морфемы кажется нам сомнительной.

Стоит отметить, что небольшая группа не заимствованных из геэза существительных образует форму множественного числа путем удвоения одного из согласных (*wäyžäro* «госпожа» (вежливое обращение к замужней женщине), *wäyžazərt* «госпожи»), при этом использование «двойных» форм множественного числа с подобными словами также встречается (*wäyžazərt-očč* «госпожи»).

Следующая разновидность числа, выделяемая Хартманном, называется дистрибутивной и образуется с помощью префикса *'əuä-*. Данная форма

множественного числа означает число поделенных или изолированных лиц и вещей и переводится им на немецкий как *jeweilig* («соответствующий») [Hartmann 1980: 289]. Рассмотрим эти грамматические формы на конкретных примерах:

[Hartmann 1980: 290]:

<i>'əyüä-səra-ččən</i>	<i>'ənnə-hid</i>	
DIST-работа-POSS.1.PL	JUS.1.PL-ходить	
«Пойдем-ка каждый на свою работу»		
<i>'əyüä-wämbär-a</i>	<i>tä-kämmät-u-nna</i>	<i>yə-ttäy.əyü-all-u</i>
DIST-стул-POSS.3.PL	REF-сидеть-PRF.3.PL-и	COMIMPRF.3.PL-REF.смотреть- COMIMPRF-3.PL
«Они уселись каждый на свой стул и смотрят друг на друга»		

Как видно из примеров выше, эта форма не указывает на какое-то конкретное количество предметов, однако она выражает, что предметов больше, чем один, а также имеет распределительно-классифицирующую коннотацию и показывает, что предметов (или лиц) столько же, сколько и тех, между кем они распределены или поделены, но установление точного числа в контексте при этом не обязательно. Однако, помимо этого, у данной формы есть и второе значение, если она употребляется с существительными, обозначающими временные отрезки:

[Hartmann 1980: 289]

<i>'aggot-e</i>	<i>bä-yü¹⁵-amät-u</i>	<i>yə-täyüəkä-n-al</i>
дядя-POSS.1.SG	в-DIST-год-DART	COMIMPRF.3.SG.M-навещать- PRON SX.2.SG-COMIMPRF.3.SG.M
«Мой дядя навещает нас каждый год»		

Таким образом, префикс *'əyüä-* с обозначениями мер времени означает «каждый», однако и в данном случае, как и в примерах до этого, данная форма

¹⁵ При употреблении со слитным предлогом *bä* (а также другими слитными предлогами) форма префикса *'əyüä* сокращается до *yü(ä)*, при этом конечный гласный звук предлога *ä* и начальный алеф префикса редуцируются. В случае, если слово, к которому присоединяется префикс *'əyüä*, начинается с айна или алефа (т.е. с гласного звука), конечный гласный префикса *ä* редуцируется, а согласный звук *y* образует слог с начальным гласным звуком слова.

не указывает на какое-то определенное количество лет, а только на то, что речь идет явно о более продолжительном отрезке времени, чем один год. В данной конструкции с обозначениями мер времени префикс *'əuä-* употребляется вместе со слитным предлогом *bä* («в»), при этом первый алеф префикса редуцируется. Если корень слова, к которому присоединяется префикс, начинается с гласного, то конечный гласный префикса также редуцируется. В амхарском языке существует синонимичная второму значению префикса *'əuä-* конструкция, заключающаяся в полной редупликации (*mata mata* «каждый вечер, по вечерам», *ʔwat ʔwat* «каждое утро, по утрам»).

С помощью данного префикса от неопределенного местоимения *'andand* («некоторый») также образуется форма дистрибутивного множественного *'əu-andand* («каждый»), которое, в свою очередь, может присоединять к себе слитные местоименные суффиксы (*'əu-andand-aččäwi* «каждый из некоторых», *'əu-andand-aččih* «каждый из вас (мн.ч.)») [Hartmann 1980: 270]. Подобная форма может образовываться от всех личных местоимений множественного числа (*'əu-ənnäsu* «каждый из них»).

Схожую дистрибутивную функцию выполняет и другая особая форма множественного числа, чье употребление, однако, ограничено двумя словами (*'əhtə-mata-čč* «сестры друг другу», *wändəmm-mata-čč* «братья друг другу»). Суффикс *-mata*, добавляемый между корнем и суффиксом множественного числа *-očč*, указывает в данном случае на родственные связи между всеми членами называемой группы, а не с говорящим, как в случае с обычной формой множественного числа (*'əhət-očč* «сестры», *wändəmm-očč* «братья»).

Для амхарского языка характерна форма ассоциативного множественного [Титов, Булах 2013: 329], называемая Хартманном групповым множественным [Hartmann 1980: 289], выраженная префиксальным показателем существительного *'ənnä* и означающая непосредственно саму персону и ассоциируемых с ней лиц:

'ənnä-ras yohannəs

«рас Йоханнис и его сторонники» [Титов, Булах 2013: 329].

Примечательно, что данный префиксальный показатель выделяется также в личных местоимениях множественного числа:

Таблица 5

Лицо	Единственное число	Множественное число
1	'əñe	'əñña
2	'antā (m), 'anči (f)	'ənnante
3	'ə(r)su (m), 'ə(r)swa(f)	'ənnä(r)su

Как следует из таблицы, во множественном числе первого лица префикс 'ənnä- стягивается с основой слова, в результате чего второй радикал удваивается. Во втором и третьем лице префикс остается без изменений и легко узнаваем. Этот же префикс выделяется в указательных местоимениях множественного числа:

Таблица 6

Перевод	Множественное число
Эти	'ənnüzzih
Те	'ənnüzziya

Если сравнить формы множественного числа указательных местоимений с формами единственного числа, то можно заметить, что они отличаются не только наличием префикса ассоциативного множественного, но и интерфиксом -zz-, который появляется также в формах единственного числа при употреблении их со слитными предлогами, например, *bä-zz-ih* («в этом») или *lä-zz-ih* («для этого»).

Кроме того, префикс 'ənnä- может добавляться к вопросительному местоимения *tan* («кто»), если спрашивающий ожидает более подробного ответа на вопрос или заранее знает, что в ответе речь пойдет о нескольких людях.

Как уже было упомянуто в первой главе, главное отличие ассоциативного множественного от обычного заключается в неоднородности объединяемых его формой лиц или объектов. Так, *'ənnä-ras yohannəs* подразумевает под собой неоднородную группу, только один член которой является расом Йоханнысом, остальные же члены группы связаны с ним, но не являются его копией. Аналогичное значение имеют и личные местоимения множественного числа первого и второго лица: под *'əñña* подразумевается «я» и еще кто-то, кто не тождественен мне. Указательные местоимения множественного числа могут употребляться как с ассоциативным, так и с простым множественным, то есть могут обозначать как однородную группу лиц и предметов (*'ənnäzzih abäbawošč* «эти цветы»), так и неоднородную (*'ənnäzziya 'ənnä-tewodros* «тот Теводрос и лица, ассоциируемые с ним»). Личное местоимение третьего лица множественного числа, подобно указательным, может использоваться для передачи обоих смыслов.

Число имени прилагательного

Прилагательные согласуются по числу, однако в неопределенном состоянии согласование прилагательных по числу является факультативным [Титов, Булах 2013: 328] [Ганкин 1969: 913]. Большинство прилагательных образуют форму множественного числа, как и существительные, с помощью суффикса *-(w)ošč*. Правила присоединения данного суффикса аналогичны таковым у существительных. Группа прилагательных, означающих преимущественно национальную или идеологическую принадлежности и оканчивающихся на *-wi* или *-wit* в зависимости от рода в единственном числе, изменяются во множественном числе по той же модели, что и подобные существительные.

Однако ряд прилагательных образует множественное число при помощи внутренней флексии, то есть удвоения второго согласного с последующим добавлением к нему гласного звука *-a* или *-ə* (*təllək* «большой», *tələllək* «большие», *rəğğim* «длинный», *rəğəğğim* «длинные») [Титов, Булах 2013: 328].

При этом, как видно из примеров, данный способ образования множественного числа свойственен преимущественно прилагательным с изначальной гемминацией второго корневого согласного, хотя есть несколько четырехрадикальных прилагательных, имеющих форму множественного числа с внутренней флексией (*mälkam* «счастливым», *mälkakam* «счастливые», *wäfram* «толстый», *wäfafram* «толстые»). При этом к словоформе с внутренней флексией может дополнительно добавляться суффикс *-(w)očč* (*tälallək-očč*). Как отмечает Ганкин, такая «двойная» форма множественного числа может употребляться для того, чтобы подчеркнуть, что речь идет о конкретных предметах, в то время как образованная посредством внутренней флексии форма множественного может использоваться с существительным в единственном числе для придания конструкции собирательного значения:

<i>bä-`ityopya</i>	<i>čakka</i>	<i>wuŋ</i>	<i>tə.lə.llək</i>	<i>`awure</i>	<i>bä-bəz-at</i>	<i>yə-ggäññ-al</i>
В-Эфиопия	лес	внутри	PL.большой	SG.хищник	в-много-PL	COMIMPRF.3.SG.M- находиться- COMIMPRF.3.SG.M

«В лесах Эфиопии водится много крупных хищников» [Ганкин 1969: 913 – 914].

Если прилагательное является частью именного сказуемого, то маркирование множественного числа становится факультативным даже в определенном состоянии [Ганкин 1969: 914].

Число глагола и согласование по числу

Число, как и род, относится к согласовательной категории глагола. Однако во множественном числе в отличие от единственного род в форме глагола не маркируется.

Форма множественного числа второго и третьего лица глагола используется также для выражения вежливости в сочетании с личными местоимениями *`ə(r)swo(t)* («Вы», уважительная форма второго лица) и *`ə(r)saččäwu* (уважительная форма третьего лица) или без них, так как употребление личных местоимений в амхарском в большинстве случаев факультативно. Стоит отметить, что само местоимение третьего лица

вежливой формы, по-видимому, образовано от местоимения третьего лица единственного лица ($'ə(r)su'$ $'ə(r)swa$) и слитного местоименного суффикса третьего лица множественного лица ($-aččäwu$). Характерное для амхарского образование дифтонга (wa) на стыке морфем не произошло в данном случае из-за того, что, судя по всему, использовалась «усеченная» гендерно-нейтральная форма местоимения третьего лица единственного числа ($'ə(r)s$), не употребляющаяся в языке самостоятельно, так как местоимение $ə(r)saččäwu$ может использоваться как к женщине, так и к мужчине.

Местоимение второго лица вежливой формы также было образовано от того же корня с добавлением видоизмененного («сокращенного») слитного местоименного суффикса третьего лица: Аппльярд возводит $-wo(t)$ к $-äw(u)$ ¹⁶ [Appleyard 2003: 236], однако эта форма вежливости согласуется с глаголом второго лица множественного числа или с особой формулой копулы $näwot$. В диалектах Бегемдыра и Уолло для вежливой формы второго лица используется вместо $'ə(r)swo(t)$ местоимение $antu$, которое раньше, по всей видимости, являлось местоимением второго лица множественного числа до того, как местоимения множественного числа стали образоваться при помощи префикса $'ənnä$ [Appleyard 2003: 236], подробнее о котором уже было написано ранее.

Стоит отметить, что категория числа выражается в глаголе не только при согласовании с другими частями речи, но и в его семантике. Глаголу в амхарском языке, как и в других семитских языках, свойственны породы, которые иногда в литературе по теории грамматики именуется как «расширенные глагольные основы» [Ганкин 1969: 924]. При этом выделить точное количество пород в амхарском в отличие от, например, иврита, в котором их насчитывается ровно семь [Айхенвальд 1990: 63], затруднительно,

---

¹⁶ Под $-äw(u)$ подразумевается окончание уважительного личного местоимения третьего лица множественного числа $ə(r)saččäwu$, в котором $-aččäwu$ является местоименным суффиксом третьего лица множественного числа. Вероятно, по логике Аппльярда, при образовании вежливого местоимения второго лица $-čč-$ «выпало», так как имело стойкую коннотацию третьего лица, а $-äwu$ видоизменилось до $-wo(t)$.

так как система амхарских глагольных пород претерпела некоторые изменения: от трех основных глагольных типов, изначально соответствующих трем породам, которые в настоящее время полностью утратили свое лексическое значение, но сохранили форму и особенности спряжения, образуются расширенные глагольные основы с помощью одного из нескольких префиксов, удлинения гласного и/ли редупликации радикала, при этом одно и то же значение может выражаться несколькими способами и, наоборот, один и тот же способ может выражать разные значения, что во многом зависит от (под)типа изначальной глагольной основы, от которой образуется расширенная [Титов, Булах 2013: 336]. Для сравнения: в иврите трем действительным породам, означающим простое, интенсивное и побудительное действие, соответствуют три страдательные с такой же коннотацией, а седьмая порода означает возвратное или взаимное действие [Айхенвальд 1990: 63], то есть в данном случае форма и лексическое значение породы более прочно связаны, а потому легче выделяются, чем в амхарском языке.

Категория числа прослеживается в семантике расширенных основ, означающих либо взаимность действия, либо его интенсивность или многократность:

Таблица 7

№	Расширенная основа	Значение	Первичная основа глагола	Значение
1	<i>säṭṭatä</i>	Давать нескольким людям и/ли неоднократно	<i>säṭṭä</i>	Дать
2	<i>läyuuyä</i>	Отделять друг от друга	<i>läyuü</i>	Отделять

3	<i>säbabbärä</i>	Разбивать вдребезги, разбивать неоднократно	<i>säbbärä</i>	Разбивать
4	<i>täčwačwaxä</i>	Кричать, шуметь о толпе	<i>čoxä</i>	Кричать
5	<i>koraräsä</i>	Разрезать на мелкие куски, неоднократно разрезать	<i>korräsä</i>	Резать

Таким образом, в значении некоторых глаголов уже изначально прослеживается коннотация множественности, так как они обозначают либо сразу несколько лиц, одновременно совершающих действие (4), либо неоднократность действия (2, 3, 5), либо направленность действия на сразу несколько лиц или объектов (1, 2), либо же интенсивность действия (3, 5). Кроме того, один и тот же глагол может обладать несколькими из перечисленных значений (1, 3, 5). В таком случае точный перевод будет варьироваться от ситуации к ситуации и напрямую зависеть от контекста.

Dabo-wu-n   *bä-tənanəš-u*   *korarräsä.*
Хлеб-DEFART-AKK   в-маленький.PL-DEFART   резать.EXT.PERF.3.SG.M
«Он разрезал хлеб на мелкие кусочки».

Dabo-wu-n   *bä-tädägagami*   *korarräsä.*
Хлеб-DEFART-AKK   в-повторять.EXT.AGN   резать.EXT.PERF.3.SG.M
«Он несколько раз порезал хлеб».

Как видно из примеров выше, в зависимости от контекста одна и та же расширительная порода может обозначать как интенсивность действия, так и его неоднократность. Кроме того, глаголы используются зачастую вместе с другими словами (чаще всего наречиями или застывшими формами глаголов и отглагольных имен с предлогами), указывающими на непосредственное значение породы в данном конкретном контексте.

В то время как маркирование множественного числа имени существительного считается обязательным, при его употреблении после числительного оно, как правило, употребляется в форме единственного числа (*sost set* «три женщины»), что, однако не противоречит обязательности маркирования, так как оно в данном случае переносится непосредственно со словоформы существительного на относящееся к нему числительное [Haspelmath 2013]. С другими словами, выражающими количество, существительное также склонно употребляться в единственном числе (*bäzu mäṣhaf* «много книг»).

Употребление существительного в единственном числе после числительного прослеживается также в обозначении дробей (*hulätt sostäña* «две трети») даже в тех случаях, когда для обозначения части используется существительное, не образованное от числительного (*kä-hayya 'ammäst 'əḡḡ* «пять двадцатых», досл. «пять рук из двадцати»).

Выводы

Подводя итоги, можно сделать вывод, что грамматический род в амхарском языке, помимо выражения биологического пола, имеет целый ряд сопутствующих коннотаций. Так, согласование по женскому роду может выражать уменьшительно-ласкательную или пейоративную коннотацию. Кроме того, использование женского рода в разговоре между лицами мужского пола может использоваться как для выражения духовной близости, так и для подчеркивания разницы в возрасте и социальном статусе между собеседниками.

Морфологически род выражен лишь у небольшого процента существительных и прилагательных, значительная часть которых была заимствована в амхарский язык из геэза. Тем не менее было обнаружено два слова, восходящих к прасемитскому корню и сохранивших прасемитское морфологическое выражение женского рода в виде суффикса *-t*. Было также выяснено, что абсолютное большинство одушевленных существительных, в

том числе некоторые термины родства, относятся к общему роду, и хотя термины родства в амхарском образованы по определенной модели, данная словообразовательная модель не несет в себе характеристики грамматического рода.

Примечательно также, что в амхарском языке местоимения вежливого обращения второго и третьего лиц не различаются по роду, хотя остальные личные местоимения второго и третьего лиц единственного числа по роду различаются.

Из-за наличия большого количества слов общего рода пол описываемого лица чаще всего становится понятным на согласовательном уровне, так как род морфологически выражен у глаголов и местоимений. Определенный артикль также различается по роду.

Грамматический род, однако, не выражен в глаголах множественного числа и уважительной формы, при этом у некоторых глагольных пород (расширенных основ) число выражено не только на согласовательном, но и на семантическом уровне. Исследователи выделяют разное количество чисел в амхарском языке. Помимо единственного и (суммирующего) множественного, также прослеживается ассоциативное (групповое), дистрибутивное и партитивное. Форма суммирующего множественного образуется при помощи суффиксов *-(w)оṣṣ*, *-an*, *-at* и/ли внутренней флексии. Ассоциативное множественное существительного образуется при помощи префикса *'ənnä*, а дистрибутивное – посредством префикса *'əuü-*, при этом согласование с глаголом при ассоциативном и дистрибутивном множественном такое же, как и при суммирующем. Партитивное множественное образуется лишь от небольшой группы слов при помощи полной редупликации основы и добавления интерфикса *-a-*.

Маркирование множественного числа обязательно для существительных как в определенном, так и неопределенном состоянии и для

прилагательных в определенном состоянии, однако после числительных, а также других частей речи, означающих количество, существительное употребляется в форме единственного числа, что не противоречит обязательному маркированию.

Таким образом, род и число (за исключением глагольного спряжения) выражаются в амхарском языке преимущественно не кумулятивно, а «сепаратистски», хотя амхарский язык относится к флективным языкам, а «сепаратистский» способ выражения грамматических категорий больше свойственен агглютинативным языкам. В следующей главе будут подробно рассмотрены род и число в других семитских языках для того, чтобы понять, насколько свойственный амхарскому «агглютинативный» способ выражения данных категорий типичен для других языков семьи.

ГЛАВА III. КАТЕГОРИИ РОДА И ЧИСЛА В ДРУГИХ СЕМИТСКИХ ЯЗЫКАХ

В данной главе число и род в амхарском сравниваются с аналогичными категориями в других семитских языках для того, чтобы выявить общие закономерности на разных уровнях языковой семьи и особенности амхарского. Для начала сравним амхарский язык с другими южными эфиосемитскими языками, а именно: с харари, гафат и зай. Данный выбор языков для сравнения руководствовался в первую очередь степенью изученности данных представителей южной подгруппы эфиосемитской группы. Кроме того, данные языки охватывают три основных подразделения подгруппы.

Род и число в южных эфиосемитских языках

Классификация эфиосемитских языков все еще неоднозначна, группу принято делить на северную и южную подгруппы, однако историческая общность северных эфиосемитских языков в отличие от южных на данный момент достоверно не доказана [Булах, Коган 2013с: 42]. Хотя единство южноэфиосемитских языков подтверждено [Булах, Коган 2013с: 43], генеалогические отношения языков внутри подгруппы являются предметом дискуссий [Булах, Коган 2013с: 46]. В настоящей работе будет использоваться классификация Р. Хецрона. Согласно ей, южные эфиосемитские языки делятся на «сквозные» (“transversal”)¹⁷ и «периферийные» (“outer”). Подобное разделение сделано было на трех основаниях: видоизменение прасемитских корней **šhq/*dḥq* («смеяться»), маркирование смыслового глагола и наличие/отсутствие разделения по роду при образовании множественного числа [Hetzron 1972: 36, 37]. Так, согласно данной классификации, харари и зай (как один из трех языков восточного гураге) выделяются в отдельную ветвь «сквозных» южных эфиосемитских языков, ко второй ветви которых

---

¹⁷ Название *transversal* и *outer* предложены Хецроном. В работах Булах и Когана эти термины переводятся как «сквозные» и «периферийные». Данная работа придерживается устоявшейся терминологии.

относится общность амхарского и аргоббы, гафат же относится к «периферийным» южным эфиосемитским языкам [Булах, Коган 2013с: 46, 47].

Для начала рассмотрим харари и зай, так как они наряду с амхарским относятся к сквозным языкам, то есть находятся в ближайшем родстве с амхарским среди других анализируемых в настоящей главе языков. В харари выделяется мужской и женский род. Хотя в большинстве случаев род существительного не находит морфологического выражения, небольшая группа одушевленных имен женского рода маркируется суффиксом *-it* (*-īt*) (*gumn-īt* «распутница»). К существительным женского рода относятся в первую очередь обозначения лиц и некоторых животных женского рода, а также небольшая группа неодушевленных имен, например, названия населенных пунктов, в том числе городов [Визирова 2013: 434 – 435] [Leslau 1969: 1]. Ряд прилагательных, помимо немаркированной формы мужского рода, имеет также форму женского рода (*rāga* «старый», *rāg-īt* «старая»), хотя обычно род прилагательного маркируется при субстантивации. Формы личных местоимений различаются по роду во втором и третьем лице единственного числа, а у указательных местоимений – только в единственном числе [Визирова 2013: 435].

Примечательно, что в амхарском языке формы женского и мужского родов также различаются у однокоренного прилагательного (*'aroge* «старый», *'arog-it* «старая»), поэтому вполне вероятно, что это исконно амхарское слово, восходящее к общеэфиосемитскому корню, а не заимствование из геэза, как считает Ганкин [1969: 913].

Хотя говорить о наличии в харари общего рода непринято, тем не менее, судя по текстам на этом языке, как и в амхарском языке, значительное число одушевленных существительных относится к общему роду и согласуется по женскому или мужскому роду в зависимости от биологического пола подразумеваемого лица. Так, например, слово *wāldi* («ребенок») может подразумевать как мальчика, так и девочку. При необходимости перед этим

словом общего рода может добавляться *liḡi* («мальчик») и *qaḥat* («девочка») для обозначения ребенка мужского и женского пола соответственно [Leslau 1969: 17, 110], при этом *liḡi* и *qaḥat* могут употребляться также как самостоятельные слова [Leslau 1969: 128].

В харари выделяется единственное и множественное числа [Визирова 2013: 435]. Для маркирования множественного числа имени (как существительного, так и прилагательного) используется суффикс *-āč*. Кроме того, данный суффикс может присоединяться также к субстантивированным формам глагола. Глагольное согласование по числу является факультативным с неодушевленными существительными [Визирова 2013: 436 – 437], хотя Вагнер утверждает, что это возможно только при употреблении существительного в форме единственного числа, то есть, согласно ему, глагол может стоять в единственном числе, только если имя, с которым он согласуется, используется в единственном числе, при этом, несмотря на грамматическую форму единственного числа, существительное может обозначать несколько объектов [Wagner 1997: 502]. После числительных, а также если множественность понятна по контексту, существительное склонно употребляться в единственном числе [Wagner 1997: 492].

Язык зай объединяется иногда с близкородственными соддо и селти в «восточный гураге», который, в свою очередь, образует с харари особую подгруппу транзитивных южных эфиосемитских языков [Майер 2013: 510]. Майер выделяет в языке зай только мужской и женский род, при этом к женскому роду относятся одушевленные существительные, обозначающие собственно лиц женского пола, а к мужскому – обозначения лиц мужского пола, а также все неодушевленные существительные. Однако Майер отмечает, что род существительного морфологически не выражен, более того, грамматический род имени в большинстве случаев становится понятен только при согласовании с другими частями речи, например, с глаголом [Майер 2013: 522]. Таким образом, в языке зай, как и в амхарском, можно выделить общий

род, к которому относится большинство одушевленных существительных. Род существительного выражается также в сингулятивных суффиксах *-iččə* и *-itti* для мужского и женского рода соответственно (*zāy-itti* «одна женщина из народа зай») [Майер 2013: 523]. Женский род прилагательного выражается при помощи суффикса *-tə* (*-tā*) (*tīt* «маленький», *tīt-tā* «маленькая») [Майер 2013: 523]. Но, к сожалению, данных о том, обязательно ли использования суффиксов женского рода у прилагательных, нет, поэтому с уверенностью утверждать, согласование это или выборочное маркирование, не представляется возможным. Тем не менее данный родовой показатель явно восходит к общесемитскому показателю женского рода.

Существительные в языке зай делятся на исчисляемые и неисчисляемые, к последним, например, относятся этнонимы. При этом показатель множественного числа *-čə* (*-čā*) может присоединяться только к исчисляемым существительным, не зависимо от их рода (*gār-čə* «дома») [Майер 2013: 523]. К неисчисляемым существительным, выражающим группу лиц или предметов, для обозначения одного представителя группы используется различающийся по роду сингулятив [Майер 2013: 524]. Отдельная группа существительных образуется при помощи редупликации последнего согласного и интерфикса *-ā-* (*aftu* «девушка», *aft-ā-tu* «девушки»). При этом, как и в амхарском языке, одно и то же слово может иметь параллельные «правильную» и «ломанную» формы множественного или употребляться с двумя показателями множественного числа одновременно [Майер 2013: 523].

Множественное число большинства прилагательных образуется с помощью того же суффикса, что у и существительных. Однако имеется ряд прилагательных, формы множественного числа которых образуются посредством полной или частичной редупликации (*weyrə* «новый», *weyrə-weyrə* «новые») [Майер 2013: 524].

Р. Майер полагает, что выражение множественности в зай факультативно, так как показатель множественного используется, если число

не понятно по контексту и говорящим может быть идентифицировано точное число предметов или лиц (по всей видимости, речь идет о факультативности использования суффикса множественного числа у существительных после числительных, а также наречий и местоимений со значением множественности, как в других южных эфиосемитских языках – примечание Е.Ш.) [Майер 2013: 523]. Однако, согласно Хаспелмату, это не входит в критерии определения факультативности маркирования множественного числа, так как в данном случае речь идет о маркировании множественного числа не с помощью суффикса, то есть изменения словоформы, а путем согласования (например, с глаголом) и самостоятельных слов, указывающих на количество больше одного [Haspelmath 2013]. Таким образом, в зай, как и в других южных эфиосемитских языках, маркирование множественного числа существительного обязательно, но выражается одним из возможных способов. Использование более одного способа одновременно факультативно.

Таким образом, общесемитская морфема женского рода *-t* во всех трех языках у существительных встречается рудиментарно и больше не продуктивна за редким исключением, хотя восходящие к ней морфемы используются в качестве родового показателя прилагательного, который, однако, используется зачастую при субстантивации прилагательных, а его употребление является факультативным.

Хотя в литературе по южным эфиосемитским языкам не принято выделять общий род, нам это кажется логичным и необходимым, так как значительный пласт одушевленных существительных, утратив присущие другим семитским языкам родовые показатели, перешел в разряд слов общего рода, которые, не образуя самостоятельного согласовательного класса, согласуются по роду в зависимости от биологического пола подразумеваемого лица. Слова общего рода наблюдаются во всех трех языках. Вероятно, отсутствие традиции выделения общего рода связано с тем, что такая

категория существительных не реконструируется для праязыка и не наблюдается в семитских языках других (под)групп (подробнее об этом ниже).

Суффиксы множественного числа в амхарском, харари и зай созвучны и явно родственны друг другу. В то время как о редупликации как способе образования множественного числа в харари неизвестно, в языке зай она, как и в амхарском, присутствует, при этом при частичной редупликации в зай используется тот же интерфикс, что и в амхарском при полной (*-ā-* и *-a-* в зай и амхарском соответственно). О наличии в харари форм «ломанного» множественного нет данных, однако как в зай, так и в амхарском формы «ломанного» множественного сосуществуют с формами «правильного» множественного, то есть образованного с помощью суффикса, а иногда словоформа может содержать в себе оба способа образования множественного числа. Во всех трех языках маркирование множественного числа существительного после числительного или другого слова, выражающего множественность, факультативно, при этом, как минимум, в зай и амхарском нельзя говорить о факультативности маркирования множественного числа как такового, так как на морфологическом или лексическом уровне оно всегда выражено, например, при помощи числительного или счетных слов (подробнее см. гл. II).

Следующим рассмотрим гафат, который относится к периферийной *n*-группе¹⁸ южных эфиосемитских языков и является в настоящий момент полностью вымершим языком [Носницын 2013: 546 – 547]. В языке гафат выделяется мужской, женский и общий род. Слова женского рода в основном ограничиваются именами, обозначающими лиц женского пола. Хотя в большинстве слов род морфологически не выражен, у некоторых существительных женского рода выделяется общесемитский суффикс *-(i)t* (*alä* «брат», *alät* «сестра»), который, однако, за редким исключением не

---

¹⁸ «Периферийные» южноэфиосемитские языки делятся Хеэроном на *n*- и *tt*-группы, которые названы так по используемым в языках алломорфам маркера основного глагола. К *n*-группе относятся гафат и северные гураге, к *tt*-группе – мухер и западные гураге [Hetzron 1972].

продуктивен. Согласование по роду характерно как для местоимений, так и для глаголов [Носницын 2013: 553].

В гафате выделяют два числа: множественное и единственное. Множественное число выражается преимущественно суффиксом *-ač*, при добавлении которого конечный *-ä* основы опускается (*dähä* «бедняк», *däh-ač* «бедняки»). Наряду с этим суффиксом используется также *-oč(č)*, который, согласно Леслау, является последствием сильного влияния на гафат со стороны амхарского языка [Носницын 2013: 547]. Кроме того, в гафат существуют гендеромаркирующие суффиксы множественного числа *-an* и *-at* для мужского и женского рода соответственно, которые употребляются, по всей видимости, только с одушевленными существительными, при этом словоформы, образованные с данными суффиксами, сосуществуют со словоформами на *-ač* (*zäyä* «красавица», *zäy-at* «красавицы», *zäy-ač* «красавицы»). Для небольшого числа существительных зафиксированы супплетивные и ломанные формы множественного, которые употребляются наряду с регулярными формами [Носницын 2013: 553].

Вероятно, наличие в гафате различающихся по роду показателей множественного числа можно объяснить влиянием языка геэз с начала христианизации народа гафат, но, к сожалению, о гафате сохранилось недостаточно данных для того, чтобы подтвердить или опровергнуть эту теорию, так как язык был бесписьменным, и единственным оставленным на этом языке текстом является перевод «Песни Песней» [Носницын 2013: 547].

Примечательно, что множественное число от указательных, вопросительных и личных местоимений образуется в гафате с помощью префикса *ənnä-* (*ənnä-man* «кто (мн.ч.)», *ənn-antä* «вы») [Носницын 2013: 553], который зафиксирован также в амхарском языке. После числительных, а также прилагательных и наречий, обозначающих количество, существительное используется, как правило, в единственном числе [Носницын 2013: 554].

Сравнивая гафат с рассмотренными выше «сквозными» языками, можно прийти к следующим выводам: показатели множественного числа во всех южных эфиосемитских языках родственны и за редким исключением образование множественного числа не зависит от рода существительного. Кроме того, после числительных или других слов, указывающих на количество, существительное имеет тенденцию употребляться в единственном числе, что, однако, не противоречит тому, что маркирование множественного числа обязательно в южных эфиосемитских, как уже было рассмотрено выше подробнее. Общесемитский показатель женского рода *-t* прослеживается в южных эфиосемитских языках в рудиментарной форме и не является продуктивным. К сожалению, мы не располагаем достаточным количеством сведений о языке гафат, чтобы проверить, выделяется ли для него, как для других южных эфиосемитских языков, группа существительных общего рода, однако, учитывая потерю суффиксом *-(i)t* словообразовательной функции, можно предположить, что наличие слов общего рода также свойственно для гафата.

Род и число в северных эфиосемитских языках

Далее будут рассмотрены северные эфиосемитские языки. Выше уже упоминалась проблема единства северной подгруппы, хотя используемая ранее классификация Хеэрона придерживается теории деления эфиосемитских языков на южную и северную подгруппы. Тем не менее главной проблемой для выделения северной подгруппы является отсутствие общих черт, которые, напротив, выделяются для языков южной подгруппы, отличия же между южными и северными языками заключаются в первую очередь в большей степени архаичности северных языков и меньшему влиянию со стороны кушитской семьи. Настаивая на том, что этого недостаточно для того, чтобы выделить северные языки в одну подгруппу, Булах и Коган предлагают альтернативную гипотезу членения эфиосемитских языков. Так, по их мнению, первый языком, отделившимся от эфиосемитского

праязыка, был тигре, так как он сохраняет в себе наиболее архаичные общесемитские элементы. Следующим отделился геэз [Булах, Коган 2013а: 43 – 44].

Однако и в данной гипотезе наблюдаются серьезные противоречия, так как во всех языках эфиосемитской семьи (включая тигре), кроме геэза, используется префикс каузативной породы *at-* наряду с более архаичным *a-*, а в тигре и тигринье прослеживаются общие изоглоссы. Кроме того, архаичность тигре может объясняться большим влиянием со стороны арабского языка. Стоит также отметить, что главными проблемами классификации наряду с разнообразием диалектов являются ареальное влияние, а также сильное воздействие живых разговорных языков на поздние тексты на геэзе [Булах, Коган 2013с: 43 – 44]. Из-за отсутствия неоспоримых доказательств гипотезы Булах и Когана данная работа придерживается теории Хеэрона о северном эфиосемитском единстве.

Начнем экскурс в северные эфиосемитские языки с тигре. Существительным в тигре свойственны категории рода, одушевленности, исчисляемости и – у исчисляемых существительных – числа. В тигре выделяется два рода: мужской и женский. У одушевленных существительных род совпадает с биологическим полом, у неодушевленных род, как правило, не мотивирован семантически, но зачастую морфологически выражен, при этом мужской род обычно не маркирован, а женский род выражается при помощи суффиксов *-at*, *-it*, *-t*, которые, по всей видимости, являются различными вариантами общесемитского показателя женского рода. Показатель *-t* опускается в форме именительного падежа при отсутствии сопряженного состояния и появляется перед слитными местоименными суффиксами или показателем множественного числа [Булах 2013: 225]. Суффиксы *-at* и *-it* продуктивны, но, помимо основной феминитивной функции, могут также использоваться как уменьшительно-ласкательные [Булах 2013: 227].

Прослеживается небольшая группа слов, склонных к родовой вариативности, например, *bet* («дом»). Кроме того, некоторые одушевленные существительные, обозначающие животных, образуют группу слов общего рода, так как согласуются то по женскому, то по мужскому роду в зависимости от пола животного, например, слово *dəmtu* («кот», «кошка») [Булах 2013: 226].

В тигре выделяется единственное и множественное числа. Категория числа тесно связана с категорией одушевленности: в то время как одушевленные имена согласуются по роду и числу, неодушевленные существительные во множественном числе согласуются по единственному числу мужского рода [Булах 2013: 225], что, однако, не является феноменом языка тигре: в ЛАЯ неодушевленные существительные во множественном числе согласуются по единственному числу женского рода, хотя в других эфиосемитских языках данное явление не прослеживается.

Что же касается непосредственно способов образования множественного числа, то оно выражается либо при помощи внутренней флексии, либо путем добавления суффиксов *-āt* (и его вариаций *-otāt*, *-ātāt*, *-ot*, *-(a)č*), заимствованного из арабского *-in* или *-am* (который используется с причастиями и прилагательными), при этом род существительного на модель образования множественного практически не влияет [Булах 2013: 226 – 228].

Теперь рассмотрим геэз. В геэзе выделяется мужской и женский грамматический род, при этом категория рода характерна для существительных, прилагательных, местоимений, числительных и глагола. Для неодушевленных существительных в геэзе характерна высокая степень родовой вариативности. Общесемитский показатель женского рода *-(a)t* в геэзе распространен и продуктивен (*ṭali* «козленок», *ṭali-t* «козочка»), хотя в некоторых словах, состоящих из двух корневых согласных, он воспринимается как третья согласная корня при словоизменении, например,

при образовании ломанного множественного (*'am-at* «рабыня», *'a'māt* «рабыни») [Булах, Коган 2013а: 156].

В геэзе выделяется единственное и множественное число, и данная категория присуща тем же частям речи, что и род. Множественное число может образовываться двумя способами: либо с помощью присоединения суффиксов *-āt/-ān* для женского и мужского родов соответственно, либо при помощи внутренней флексии (т.н. «ломанное множественное») [Булах, Коган 2013а: 157]. Хотя формы ломанного множественного в геэзе распространены, они встречаются все же значительно реже, чем, например, в ЛАЯ [Булах, Коган 2013а: 157], в котором Гранде насчитывает более 30 моделей образования ломанного множественного [Гранде 2001: 314].

В отличие от ДЕЯ и ЛАЯ (см. ниже) показатель женского рода *-(a)t* не всегда утрачивается перед присоединением суффикса множественного числа (даже у трехрадикальных слов), что может дополнительно свидетельствовать о том, что в ряде слов он начал восприниматься как часть корня (*tamar-t* «финиковая пальма», *tamart-āt* «финиковые пальмы») [Булах, Коган 2013а: 157].

Некоторые исследователи находят в геэзе рудименты двойственного числа в виде окончания *-e* у некоторых существительных, которое появляется при словоизменении, например, при добавлении слитных местоименных суффиксов, однако никакого семантического значения не несет [Heide 2006: 769].

Брокельманн считает форму *'ásra* («двадцать») также рудиментом двойственного числа, так как этимологически слово возводится к тому же трехбуквенному корню, что и *'asärtu* («десять»), а именно: *'-ś-r*, однако остальные десятки образованы в геэзе при помощи той же морфемы *-a* [Heide 2006: 769]. Кроме того, в других семитских языках, сохранивших двойственное число, «двадцать» также образовано от того же корня, что и

«десять» без морфемы двойственного числа, например, в ДЕЯ (*‘ešer* «десять», *‘ešrim* «двадцать»). При этом в ДЕЯ для образования слова «двадцать» используется суффикс не двойственного, а множественного числа мужского рода *-im* (далее род и число в ДЕЯ будут рассмотрены подробнее). Однако если в ДЕЯ двойственное число используется весьма ограниченно, то в ЛАЯ двойственное число в полной мере противопоставлено единственному и множественному. Тем не менее в данном языке слово «двадцать» образовано по аналогичной ДЕЯ модели (*‘ašara* «десять», *i šruwna* «двадцать»). Стоит отметить, что по такой модели образуются все десятки как в ДЕЯ, так и в ЛАЯ.

Исходя из этого, можно предположить, что морфема *-ā* в геэзе является не рудиментом двойственного числа, а сокращенной формой показателя множественного числа. В качестве доказательства данной гипотезы можно привести то, что по роду изменяются порядковые числительные и количественные числительные от 1 до 19, для обозначения десятков используются слова общего рода. При этом в таком случае в амхарском языке морфема *-a* для образования десятков и числительных от 11 до 19 также является рудиментом более архаичного показателя множественного числа *-āt/-ān*.

Тем не менее вопрос о наличии двойственного числа в геэзе хотя бы в рудиментарном виде остается актуальным, так как до сих пор доподлинно неизвестно, на каком этапе развития эфиосемитская языковая общность утратила двойственное число.

В языке тигринья выделяется мужской и женский род, который характерен для таких частей речи, как существительное, прилагательное, местоимение, числительное, глагол и артикль. Устойчивая принадлежность к определенному роду прослеживается у одушевленных существительных. Более того, женский род одушевленных существительных зачастую маркирован суффиксами *-it*, *-t*, которые восходят к общесемитскому показателю женского рода и являются продуктивными (*zar* «демон», *zar-ti*

«демоница»). Хотя немаркированные одушевленные женского рода также встречаются, обычно эти слова обозначают собственно лиц женского рода, а отсутствие маркирования более характерно для неодушевленных существительных женского рода. Кроме того, в тигринье, как и в других семитских языках наблюдается родовая вариативность неодушевленных существительных. Собственно слова общего рода в тигринье, по-видимому, не выделяются. Как и в амхарском языке, согласование по женскому роду может нести уменьшительно-ласкательный или пейоративный оттенок. Большинство прилагательных не изменяется по роду, однако есть группа прилагательных, образующих форму женского рода с помощью внутренней флексии (*ṣällim* «черный», *ṣällam* «черная») или при помощи показателя женского рода *-t(i)* и изменения вокализма основы (*gərum* «чудесный», *gəram-ti* «чудесная»). Прилагательные, образованные при помощи суффикса *-awi*, который уже упоминался ранее в контексте амхарского языка, так же, как и в амхарском языке, образуют форму женского рода при помощи добавления показателя *-t* [Булах, Коган 2013b: 272 – 273].

В тигринье выделяется единственное и множественное число, при этом согласование по числу обязательно для одушевленных существительных, но факультативно для неодушевленных [Булах, Коган 2013b: 273]. У существительных множественное число образуется либо с помощью внутренней флексии (*bättri* «палка», *'abatri* «палки»), либо посредством добавления показателей множественного числа. Наиболее употребимым внешним показателем является суффикс *-(t)at* (*säb* «человек», *säb-at* «люди», *'asa* «рыба», *'asa-tat* «рыбы»). Встречаются также менее частотные суффиксы множественного числа *-ot* и *-o*. Первый из них добавляется к некоторым основам на *-a* или *-au*, при этом данные окончания вытесняются показателем множественного числа, второй из них используется для отглагольных существительных, образованных по модели имени деятеля (*wäfari* «крестьянин», *wäfar-o* «крестьяне»). Суффикс *-an* встречается редко и

исключительно в заимствованиях из геэза [Булах, Коган 2013b: 273]. У некоторых существительных наблюдаются формы «двойного множественного» (*kälbi* «собака», *'aklab-at* «собаки») [Булах, Коган 2013b: 274].

Прилагательные чаще всего образуют множественное число с помощью тех же суффиксов, что и существительные: лишь незначительная группа прилагательных образует ломанное множественное число. Слова, образованные посредством суффикса *-awi*, получают во множественном числе геэзский показатель множественного числа *-an* [Булах, Коган 2013b: 274].

Таким образом, общесемитский показатель женского рода продуктивен во всех трех рассмотренных выше языках северной подгруппы и активно участвует в образовании феминитивов, что отличает языки северной подгруппы от южной, в которых в связи с утратой словообразовательной функции показателя женского рода *-t* развилась группа одушевленных слов общего рода, не образующая собственного согласовательного класса и согласующаяся с другими частями речи в зависимости от биологического пола обозначаемого лица и/ли животного. Под общим родом в данном случае не подразумеваются неодушевленные существительные с вариативной родовой принадлежностью, наличие которых в языке характерно в большем или меньшем объеме не только для южных эфиосемитских, но и для северных и, как будет описано подробнее ниже, для других семитских языков. Одушевленные существительные общего рода – напротив, уникальное для семитских языков явление, характерное, по всей видимости, только для южных эфиосемитских языков, появление которого напрямую связано с утратой показателем женского рода своего значения и распространения.

Как видно выше, за исключением геэза родовая принадлежность преимущественно не влияет на способ образования множественного числа как в южных, так и в северных эфиосемитских языках. По всей вероятности, геэз является в этом аспекте наиболее архаичным среди других языков группы.

Суффикс множественного числа женского рода в геэзе восходит к прасемитской морфеме **-āt* с тем же значением, в то время как для обозначения множественного числа мужского рода удлинялась гласная окончания единственного числа [Moscato и др. 1980: 87, 88, 91]. Показатели множественного числа в тигринье и тигре явно являются родственными геэзскому суффиксу *-āt*. Однако, хотя это и менее очевидно, показатель множественного числа языков южной подгруппы *-(V)č(V)* также родственен геэзскому *-āt* и прасемитскому **-āt*.

Доказательством этой теории является то, что показатель множественного числа *-(a)č* встречается в рудиментарной форме в языке северной подгруппы тигре всего у девяти существительных, в которых *č* появляется в результате морфонологического слияния конечного корневого *-u* и суффиксального согласного *-(V)t* (*fatāu* «друг», *fatač* «друзья») [Булах 2013: 228], хотя остается неизвестным, почему в других аналогичных случаях в тигре данного слияния и преобразования не происходит. Кроме того, *t* переходит в *č* в южных эфиосемитских языках и в других грамматических показателях. Например, общесемитское окончание *-t* у глаголов 3 лица единственного числа женского рода также переходит в южных эфиосемитских языках в *-č* (*bāla-č* «она ела», амхарский).

Род и число в ЛАЯ

Место эфиосемитской группы в семитской языковой семье до сих пор точно не определено: ранее считалось, что эфиосемитские языки вместе с ЛАЯ, эпиграфическими и современными южноаравийскими языками составляют южносемитскую ветвь, однако данная гипотеза не поддерживается большинством современных исследователей. О. Рёсслер, Р. Хеэрон и Р.-М. Фогт полагают, что южносемитская ветвь включает в себя эфиосемитские и современные южноаравийские языки, однако данная гипотеза остается все еще не доказанной [Булах, Коган 2013с: 39].

В качестве примеров семитских языков, не входящих в эфиосемитскую группу, в данной работе будут рассмотрены ЛАЯ и древнееврейский языки. Сначала будет проанализирован ЛАЯ язык, так как он предположительно находится в более близком родстве к эфиосемитским языкам.

Гранде выделяет в ЛАЯ три рода: мужской, женский и общий, однако, выделяя общий род, Гранде подразумевает слова с вариативной родовой принадлежностью, преимущественно неодушевленные, за исключением слова *na's* («народ»), которое является собирательным [Гранде 2001: 270]. Таким образом, Гранде подразумевает под общим родом не то, что подразумевалось ранее в этой работе, а именно: одушевленные существительные, которые могут согласовываться по мужскому или женскому роду в зависимости от биологического пола подразумеваемого лица. Родовая вариативность неодушевленных существительных наблюдалась также в рассмотренных ранее семитских языках и не включается в рамках данной работы в понятие «общий род».

Женский род морфологически выражен у некоторых существительных и выражается при помощи маркеров *-a'û*, *-a'û*, *-a'*, *-a'û*, причем первый из перечисленных суффиксов является продуктивным феминитивом при образовании как существительных, так прилагательных. Имеется также ряд существительных, относящихся к женскому роду не по форме, а по значению: это женские имена собственные: имена нарицательные, обозначающие непосредственно женщин: названия стран, городов, племен, ветров и парные части тела. Кроме того, в ЛАЯ прослеживается группа слов, отнесенность к женскому роду которых не объясняется ни формой, ни значением (*nafs* «душа»). По женскому роду согласуются также имена собирательные, означающие животных [Гранде 2001: 268 – 269, 271].

Гранде выделяет в ЛАЯ единственное, двойственное, множественное, а также узко употребляемое множественное малого количества, при этом непосредственно множественное число образуется двумя способами: при

помощи добавления суффикса множественного числа к основе (т.н. «правильное» множественное) и при помощи изменения самой основы (т.н. «ломанное множественное»). Правильное множественное образуется посредством добавления показателя *-iwna* и *-a't* для мужского и женского рода соответственно [Гранде 2001: 273 – 274]. Таким образом, геэзский показатель множественного числа мужского рода *-āt* родственен ЛАЯ.

Согласно Гранде, двойственное число восходит к прасемитскому языку, но не к праафразийскому, так как в других семьях этой макросемьи двойственное число не встречается [Гранде 2001: 309]. При этом в арабском языке двойственное число раскрывается наиболее полным образом: оно характерно для всех имен существительных и прилагательных, а также местоимений и глаголов, в то время как в других семитских языках оно используется либо в ограниченном формате, как в ханаанских языках, либо вышло из употребления, как в эфиосемитских. Тем не менее, по мнению Гранде, изначально двойственное число в семитских языках носило ограниченный характер, то есть широта использования двойственного числа в ЛАЯ – инновация, а не исходное состояние [Гранде 2001: 309 – 310].

Примечательно, что после числительных со значением больше 10 существительное используется в единственном числе. С числительными от 11 до 99 существительное ставится в винительный падеж, а с сотнями и большими числительными – в родительный падеж [Мокрушина 2021: 158 – 160].

Род и число в ДЕЯ

В ДЕЯ выделяется два рода: мужской и женский. При этом мужской род существительных не маркирован, а женский, как правило, маркируется. В качестве родового показателя используются два алломорфа: *-ā* и *-(V)t*, при этом алломорф *-(V)t* употребляется преимущественно в сопряженном состоянии (перед вторым существительным или местоименным суффиксом) и лишь незначительная группа слов имеет его в абсолютном состоянии (*ħām-ot*

«свекровь», *y^ohw^odiy-t¹⁹* «иудейская, иудейка»). Родовые показатели в ДЕЯ продуктивны для словообразования [Коган, Лёзов 2009: 322]. Однако есть группа существительных женского рода, не имеющих морфологического выражения рода (*yâd* «рука»), хотя иногда отнесение к женскому роду данных слов можно обосновать семантически (так, например, парные части тела относятся к женскому роду), далеко не всегда это возможно. Кроме того, при употреблении существительных женского рода, чей род не обоснован ни семантически, ни морфологически, наблюдается родовая вариативность: периодически их согласуют по мужскому роду (*šemeš* «солнце») [Коган, Лёзов 2009: 323].

В ДЕ выделяется три числа: единственное, множественное и двойственное. Единственное число не маркируется, двойственное маркируется суффиксом *-auyim* [Коган, Лёзов 2009: 323]. Употребление двойственного числа используется ограниченно: преимущественно с существительными, обозначающими меры длины, веса, отрезки времени. Хотя в ДЕЯ в двойственном числе могут употребляться и другие существительные (*d^olât-auyim* «две двери») [Коган, Лёзов 2009: 323], в современном иврите употребление двойственного числа четко ограничено вышеперечисленными семантическими категориями. Существительные в форме двойственного числа согласуются с другими частями речи по множественному числу, так как отдельное маркирование двойственного числа присуще только имени существительному [Коган, Лёзов 2009: 325], при этом рудиментарность двойственного числа присуща не только ДЕЯ, но и всей группе ханаанейских языков [Коган 2009: 255].

Стоит также отметить, что парные части тела образуют и множественное, и двойственное число при помощи показателя *-auyim*. Таким образом, *šeš k^onâp-auyim* обозначает «шесть крыльев», а не «шесть пар

---

¹⁹ Примеры, взятые у Когана и Лезова, транслитерируются в данной работе для однообразности и упорядоченности согласно системе ISO 259. Коган и Лёзов используют в своих работах иную систему транслитерации.

крыльев», как можно было бы подумать, в то время как *k^onâp-ayyim* переводится как «два крыла» [Коган, Лёзов 2009: 325].

Показатели множественного числа преимущественно различаются по роду: *-iyum* и *-wît* для мужского и женского родов соответственно, хотя данное распределение не является абсолютным. Так, некоторые слова мужского рода образуют множественное число с помощью показателя *-wît* (*m^ok^wm-wît* «места»), а некоторые слова женского рода – с *-iyum* (*šân-iyum* «годы»). У некоторых же существительных зафиксирована вариативность показателей множественного числа (*d^wr-iyum/d^wr-wît* «поколения»). Однако использование показателя множественного числа, характерного преимущественно для другого рода, не изменяет грамматический род существительного, поэтому слово во множественном числе продолжает согласовываться по своему изначальному роду [Коган, Лёзов 2009: 324]. Например:

<i>‘âr-iyum</i>	<i>ġ^odwl-wît</i>
город-М.PL	большой-F.PL
«Большие города»	

Как видно из примера выше, слово *‘âr-iyum* («города») женского рода, однако получает во множественном числе свойственное для мужского рода показатель *-iyum*, что не влияет на согласование по роду существительного с прилагательным, поэтому прилагательное *ġ^odwl-wît* («большие») получает показатель множественного числа женского рода *-wît*.

В ДЕЯ также выделяются отдельные группы слов в *dualia tantum* (*mo^oz^on-ayyim* «весы») [Коган, Лёзов 2009: 325], *pluralia tantum*²⁰ (*pân-iyum*

---

²⁰ К *pluralia tantum* в ДЕЯ могут относиться как исчисляемые, так и не исчисляемые существительные. Помимо неисчисляемых существительных (*šamayim* «небо»), относящихся к этой группе по всей видимости как раз ввиду неисчисляемости и большого количества, другие слова попали в эту группу, по всей видимости, случайно из-за созвучия с формой множественного числа. Так, слово *pân-iyum* («лицо») этимологически возводят к *p^onim(i)* («внутренний») [Куклин 2008]. Если эта теория верна, то конечные йуд и мем изначально являются частью корня, а не окончанием множественного числа, и были переосмыслены языком таким образом уже позднее. Тем не менее согласуется это слово по множественному числу, а в современном иврите даже образовалась форма *pen* для обозначения единственного числа, хотя более архаичное *pânim* все еще употребляется и считается литературной нормой.

«лицо, лица») и *pluralis majestatis* (преимущественно при обращении к Богу) [Коган, Лёзов 2009: 324].

Стоит отметить, что после числительных больше 10 существительное может употребляться как в форме единственного, так и в форме множественного числа. Данное правило сохранилось в современном иврите и немного расширилось: заимствованные слова несемитского происхождения могут, согласно Академии языка иврит, согласоваться в единственном числе даже с числительным от 2 до 10 (*šney meṭeṭer* «два метра»)²¹

Выводы

Подводя итоги, следует отметить, что вариативность грамматического рода неодушевленных существительных свойственна не только эфиосемитским языкам и, по всей видимости, является общесемитским явлением, так как прослеживается в разной степени и в ДЕЯ, и в ЛАЯ. Примечательно, что родовая вариативность затрагивает исключительно слова, соответствующие двум критериям: неодушевленность и отсутствие морфологического выражения рода, что способствует сложности классификации данных существительных по роду для носителей языка.

К общесемитским тенденциям также относится употребление единственного числа после числительных, хотя конкретные правила несколько разнятся от языка к языку. Так, в эфиосемитских языках употребление единственного числа после всех числительных предпочтительно, в ДЕЯ и современном иврите – употребление формы единственного числа возможно только после числительных больше десяти (за исключением недавно заимствованных слов), и оно факультативно, в то время как в ЛАЯ употребление формы единственного числа с числительными больше десяти обязательно.

---

²¹ <https://www.pealim.com/articles/numerals-and-nouns-singular-vs-plural/> (Дата обращения 11.05.2023).

В отличие от северных южным эфиосемитским языкам не свойственно образование множественного числа при помощи внутренней флексии, те немногие существительные, сохранившие ломанное множественное, имеют параллельную форму правильного множественного. Внешние показатели множественного числа в прасемитском языке различались по роду и продолжают быть дифференцируемыми по роду в ЛАЯ, ДЕЯ и геэзе, однако в остальных эфиосемитских языках родовая принадлежность не влияет на выбор маркера множественного числа (за исключением заимствованных из геэза или ЛАЯ слов, а также неологизмов, образованных с помощью заимствованных из этих двух языков морфем): при этом как в северных, так и в южных эфиосемитских языках маркер множественного числа совершенно явно восходит к прасемитскому маркеру множественного числа женского рода, что можно объяснить тем, что в прасемитском языке множественное число выражалось удлинением гласного падежного окончания, однако в эфиосемитских языках прасемитская система падежей не сохранилась. Кроме того, не во всех эфиосемитских языках гласные дифференцируемы по долготе. Так, например, в амхарском языке отсутствует противопоставление по долготе.

Остается неясным, на каком этапе развития эфиосемитскими языками было утрачено двойственное число, свойственное семитским языкам других групп и реконструируемое для прасемитского языка. Существуют различные гипотезы касательно рудиментов двойственного числа в геэзе, однако ни одна из них пока еще не доказана. Кроме того, выделяемая Брокельманном в качестве рудимента двойственного числа морфема $-ā$ ($-a$), используемая для образования десятков числительных, является, скорее всего, укороченной формой маркера множественного числа, что подтверждается моделями образования десятков при помощи суффикса множественного числа в ДЕЯ и ЛАЯ.

Хотя наличие особой группы одушевленных существительных общего рода не свойственно ни для ДЕЯ и ЛАЯ, ни для северных эфиосемитских языков, ее выделение в языках южной подгруппы объективно и связано в первую очередь с практически полной утратой маркированности женского рода в единственном числе и отсутствием регулярной модели образования феминитивов от одушевленных существительных мужского рода (за редким исключением преимущественно в виде заимствований), характерной для других семитских языков, включая северную подгруппу.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что амхарский язык в рамках категорий рода и числа является типичным представителем южной подгруппы эфиосемитских языков, хотя важно отметить, что из-за нехватки данных сравнить некоторые аспекты обеих категорий максимально детально не представлялось возможным. Так, например, не удалось выяснить, выделяется ли в других языках южной подгруппы ассоциативное множественное. Инновациями же конкретно южной подгруппы по отношению к другим семитским языкам являются общий род и практически полный отказ от маркирования женского рода имени в единственном числе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования было выяснено, что категории рода и числа в амхарском языке типологически очень схожи с другими языками южной подгруппы эфиосемитских языков. Так же, как и в амхарском языке, в харари, зай и гафате женский род существительного морфологически за редким исключением не выражен, что отличает эту подгруппу от других семитских языков, в том числе от северных эфиосемитских, так как для большинства семитских языков характерно маркирование женского рода с помощью морфемы *-t*, восходящей к прасемитскому языку.

Что касается непосредственно амхарского языка, то в литературе обычно указывается, что данная морфема полностью утрачена и встречается только в заимствованиях из геэза или в существительных и прилагательных, образованных с помощью продуктивных суффиксов *-awit*, *-it*, которые были заимствованы из геэза. Тем не менее в ходе работы удалось установить, что как минимум два исконно амхарских слова женского рода сохранили прасемитскую морфему *-t*: *'əhət* («сестра») и *set* («женщина»). Изначально предполагалось, что слово *'ənat* («мать») тоже восходит к семитскому корню и содержит в себе морфему *-t*, однако в ходе исследования выяснилось, что это слово является кушитизмом, а конечное *-t* не имеет прасемитского происхождения и является не маркированием женского рода, а суффиксом образования терминов родства.

Однако, хотя было найдено два слова с общесемитской морфемой женского рода *-t*, остается без сомнений тот факт, что она перестала быть продуктивной как в амхарском, так и в других языках южной подгруппы. В результате чего в большинстве слов грамматический род оказывается морфологически не выражен. Более того, значительная часть одушевленных существительных в языках южной подгруппе относится к словам общего рода и может согласоваться с другими частями речи как по женскому, так и по мужскому роду в зависимости от биологического пола подразумеваемого

лица. Хотя исследователи и исследовательницы не выделяют общий род в амхарском или других языках южной подгруппы, нам кажется важным это сделать для лучшего понимания логики языка и диахронических процессов развития южной подгруппы, так как данная черта отличает эти языки от других семитских.

Большинство неодушевленных существительных в амхарском языке относятся к мужскому роду. Тем не менее небольшая группа неодушевленных существительных склонна употребляться в женском роде. И хотя, согласно литературной норме, она должна согласоваться по женскому роду, в современной устной речи этим словам присуща родовая вариативность и можно встретить их употребление в мужском роде. Однако подобная родовая вариативность отдельных неодушевленных существительных не является особенностью амхарского языка. Она встречается и в других эфиосемитских языках, и в ЛАЯ, и в ДЕЯ. Примечательно, что во всех языках речь идет о неодушевленных существительных, чья принадлежность к женскому роду морфологически не выражена, в чем, по-видимому, кроется причина их родовой вариативности в речи: судя по всему, носители и носительницы не воспринимают данные слова как относящиеся к женскому роду, так как это не выражено ни в значении, но в форме данных слов. Тем не менее удалось выявить закономерность употребления амхарского слова *(h)agär* («страна») в мужском роде вместо женского рода, то есть литературной нормы. Так, *(h)agär* склонно употребляться в мужском роде, если под этим словом понимается население страны или если название страны еще не было упомянуто. Для других слов выявить закономерность употребления в мужском роде не удалось.

Примечательно, что согласование по женскому роду может иметь в амхарском языке различные коннотации и значения. Так, обращение к мужчине в женском роде может иметь как пейоративный оттенок, так и, наоборот, подчеркивать близость, родство и/ли наставнические отношения

между участниками конверсации в зависимости от ситуации и контекста. Однако значение близости обращение в женском роде к мужчине может приобретать только в том случае, если это делает мужчина. От женщины обращение к мужчине в женском роде всегда считается как оскорбление.

Кроме того, суффикс женского рода $-(i)t$ может использоваться не как феминитив, а как уменьшительно-ласкательный суффикс, что, однако, не является феноменом амхарского языка и встречается в т.ч. в индоевропейских языках, например, во французском или русском. Однако данный суффикс используется в качестве уменьшительно-ласкательного с неодушевленными или животными.

В то время как большинство ученых выделяет в амхарском языке всего два или иногда три числа, Хартманн выделяет, помимо единственного и обычного суммирующего множественного, еще ассоциативное (которое у Хартманна называется групповым), дистрибутивное и партитивное множественные числа. Примечательно, что ассоциативное, дистрибутивное и партитивное множественные имеются выражаются только у имени существительного и не проявляются при согласовании с другими частями речи (согласование происходит по множественному числу). К сожалению, остальные южные эфиосемитские языки исследованы недостаточно для того, чтобы судить о наличии в них какого-то из трех перечисленных выше разновидностей числа, поэтому сравнить амхарский с другими языками подгруппы в этом контексте не удалось.

Что касается образования обычного множественного числа, то во всех эфиосемитских языках, кроме геэза, способ образования множественного числа не зависит от грамматического рода. Так как в других группах семитских языков образование множественного числа напрямую связано с категорией рода, геэз является в данном случае, по-видимому, наиболее архаичным языком эфиосемитской группы. В то время как в тигре и тигринье для образования множественного числа преимущественно используются

различные алломорфы $-(V)t$, восходящие к прасемитской морфеме множественного числа женского рода, в южной подгруппе употребляются алломорфы $-(V) \check{c}(\check{c})(V)$. В настоящей работе была выдвинута гипотеза о том, что данная морфема также восходит к прасемитской морфеме множественного числа женского рода. В качестве доказательства данной гипотезы был использован тот факт, что при спряжении глаголов и словообразовании указательных местоимений $- \check{c}$ выражает женский род и соответствует прасемитскому $-t$ в аналогичных позициях.

Одной из важнейших проблем категории числа в амхарском языке, как и в других эфиосемитских языках, является поиск рудиментов двойственного числа, которое характерно для других семитских языков, например, для ДЕЯ и ЛАЯ, и реконструируется для прасемитского языка. Тем не менее ни в одном современном эфиосемитском языке двойственное число не прослеживается. Учеными выдвигались различные гипотезы касательно рудиментов двойственного числа в геэзе. Так, Брокельманн считает числительное $'\acute{a}sr\bar{a}$ («двадцать») исторически формой двойственного числа. Однако с помощью морфемы $-\bar{a}$ образованы и другие десятки в геэзе. Кроме того, в других ДЕЯ и ЛАЯ числительное «двадцать» является формой множественного числа, а не двойственного. В данной работе была предложена гипотеза, что данная морфема – это рудимент не двойственного числа, а суффикса множественного числа. Примечательно, что в амхарском языке десятки образуются по той же модели при помощи морфемы $-a$ (в отличие от геэза в амхарском гласные не различаются по долготе и краткости). Если выдвинутая относительно десятков гипотеза верна, то подобная форма числительных в амхарском также является рудиментом более архаичной формы образования множественного числа, нежели современное $-o\check{c}\check{c}$. Хотя Хартманн полагает, что морфема $-a$, используемая в образовании числительных в амхарском языке, является интерфиксом партитивного множественного, при помощи которого небольшая группа существительных образует особую форму множественного

числа, на его суждения явно оказывает влияние его родной немецкий язык, так как он полагает, что числительные от 11 до 19 и от 21 до 99 образуются в амхарском по-разному, как это происходит в ЛНЯ, но на самом деле модель образования числительных от 11 до 99 в амхарском языке одна и та же.

В амхарском языке прослеживается тенденция употреблять существительное с числительными и другими счетными словами в единственном числе. Как выяснилось в ходе работы, данная тенденция не является уникальной для амхарского языка, а прослеживается в других южных эфиосемитских языках и даже в некоторой степени – в ДЕЯ И ЛАЯ, хотя согласование по числу существительного с другими членами предложения при наличии числительного или счетного слова в разных семитских языках отличается.

Таким образом, в ходе работы удалось найти два исконно амхарских слова, сохранивших прасемитскую морфему женского рода *-t* и обосновать важность выделения категории общего рода у одушевленных существительных в южных эфиосемитских языках, а также были выдвинуты гипотезы касательно происхождения суффикса множественного числа в амхарском и других языках южной подгруппы $-(V) \check{c}(\check{c})(V)$ и морфемы образования десятков в геэзе (*-ā*) и амхарском (*-a*). Кроме того, было выяснено, что типологически амхарский язык является типичным представителем южной эфиосемитской подгруппы.

Кроме того, было обнаружено, что амхарский, а также другие языки южной подгруппы, хотя и относятся к языкам флективного строя, имеют тенденцию к агглютинации именной морфологии. Это может быть наглядно продемонстрировано следующей таблицей²²:

---

²² Хотя в работе рассматривался гафат, в таблицу данные по этому языку не были внесены намеренно из-за нехватки письменных источников, а также краткости имеющихся описаний. Таким образом, имеющихся данных оказалось недостаточно для того, чтобы сделать достоверные выводы.

Таблица 8²³

язык / признак	амхарский	геэз	тигринья	тигре	харари	зай	ДЕЯ	ЛАЯ
кумулятивность рода и числа имени	-	+	±	±	-	-	+	+
семантичность (+)/ асемантичность (-) рода неодушевленных имен	±	-	-	-	±	+	±	±
морфологическое выражение ж.р.	±	+	+	+	±	-	+	+
лексическое выражение ж.р.	+	-	+	-	+	+	-	-
родовое различение показателей множественного числа	-	+	-	-	-	-	+	+
форма мн.ч. с лексическими квантификаторами	-	±	±	-	-	±	+ до 10,	+ до 11, - после
«ломанное (разбитое) множественное»	±	+	+	+	-	±	²⁴	+
продуктивность феминитивов	±	+	+	+	±	-	+	+
гетеронимия терминов родства	+	±	±	±	±	+	±	±
слова общего рода	+	-	-	±	+	+	-	-
колебание в роде	+	+	+	+	+	-	+	+
согласование глагола по роду в ед. ч.	+	+	+	+	+	+	+	+

²³ «-» — не свойственно, «+» — свойственно, «±» — в целом не свойственно, но есть исключения

²⁴ Хотя для ДЕЯ не характерны формы «ломанного» множественного, при присоединении морфем множественного числа, в корне слова, как правило, происходят изменения: меняется состав гласных (огласовки).

согласование глагола по роду во мн. ч.	-	+	+	+	-	-	+	+
--	---	---	---	---	---	---	---	---

Как видно из таблицы, некоторые элементы агглютинации именной морфологии прослеживаются и в других семитских языках, например, опциональность использования формы множественного числа существительного с числовыми квантификаторами больше 10 в ДЕЯ. Тем не менее, именно южные эфиосемитские языки практически полностью утратили именные флексии, заменив их на агглютинативный («сепаратистский») способ выражения категорий рода и числа, в результате чего появился ряд инноваций, в большей или меньшей степени свойственных языкам подгруппы, а именно: одушевленные существительные общего рода, практически полное отсутствие морфологической выраженности женского рода и образования множественного числа посредством внутренней флексии, а также более частотное использование гетеронимии как способа образования терминов родства²⁵ и обозначения лиц и домашних животных и употребление отдельных лексических единиц для выражения рода. Две последние тенденции характерны также для тигриньи, хотя и в меньшей степени, чем для южной подгруппы, в других семитских языках подобные тенденции не прослеживаются. Тот факт, что среди северных эфиосемитских языков тигринья является наиболее близким типологически к языкам южной подгруппы, может сыграть роль в разрешении проблем классификации внутри эфиосемитской группы, которые уже были затронуты ранее в исследовании, поэтому данная работа представляет научную ценность для дальнейших исследований в области типологии и классификации эфиосемитских языков.

²⁵ За исключением языка харари, в котором термины родства, как и в семитских языках других групп, образуются при помощи показателя женского рода. Однако термины родства – практически единственные существительные в харари, сохранившие морфологическое выражение рода.

БИБЛИОГРАФИЯ

1) Научная литература

а) Научная литература на русском языке:

1. Айхенвальд А.Ю. Современный иврит. Москва: Наука, 1990. – 152 с.
2. Булах М. С. Тигре язык. // Языки мира: Семитские языки. Эфиосемитские языки. /Москва: Academia, 2013. С. 216 – 246.
3. Булах М.С., Коган Л.Е. (а) Геэз язык. // Языки мира: Семитские языки. Эфиосемитские языки. /Москва: Academia, 2013. С. 141 – 199.
4. Булах М.С., Коган Л.Е. (b)Тигринья язык. // Языки мира: Семитские языки. Эфиосемитские языки. /Москва: Academia, 2013. С. 260 – 311.
5. Булах М.С., Коган Л.Е. (с) Эфиосемитские языки. // Языки мира: Семитские языки. Эфиосемитские языки. /Москва: Academia, 2013. С. 13 – 141.
6. Визирова Е. Ю. Харари язык. // Языки мира: Семитские языки. Эфиосемитские языки. /Москва: Academia, 2013. С. 406 – 509.
7. Виноградов В. А. Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
8. Виноградов В. А. Род // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия» (1990). URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/3512202> (Дата обращения 10.04.2023).
9. Виноградов В. А. Род // Электронная версия «Лингвистического энциклопедического словаря». URL: <http://tapemark.narod.ru/les/417a.html> (Дата обращения 10.04.2023).
10. Виноградов В. А. Статьи по общему языкознанию, компаративистике, типологии. Москва: Издательский дом ЯСК, 2018. – 543 с.
11. Ганкин Э. Б. Русско-амхарский словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1965. - 1013 с.
12. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. Москва: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. – 471 с.

13. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Москва: Восточная литература, 2001. (Изд. 2-е.). – 587 с.
14. Есперсен О. Философия грамматики. Москва: Издательство иностранной литературы, 1958. – 340 с.
15. Желтов А. Ю. Об именной классификации в языках нигер-конго, типологии именных классификаций и взаимодействии языковых и внеязыковых данных // Концепции современного востоковедения / Под ред. Е. И. Зеленева, В. Б. Касевича. СПб.: Каро, 2013. 463 с. С. 217-238.
16. Коган Л. Е. Ханаанейские языки. // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. / Москва: Academia, 2009. С. 239 – 278.
17. Коган Л. Е., Лезов С.В. Древнееврейский язык. // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. / Москва: Academia, 2009. С. 296 – 375.
18. Куклин Р. Иврит выражает сущность предметов? // Онлайн-проект об иудаизме и евреях (2008). URL: https://toldot.com/urava/ask/urava_3654.html (Дата обращения: 10.05.2023).
19. Майер Р. Зай язык. // Языки мира: Семитские языки. Эфиосемитские языки. / Москва: Academia, 2013. С. 509 – 546.
20. Мокрушина А. Арабский язык. Грамматика в таблицах и упражнениях. – Москва: Каро, 2021. – С. 224.
21. Носницын Д.А. Гафат язык. // Языки мира: Семитские языки. Эфиосемитские языки. / Москва: Academia, 2013. С. 546 – 577.
22. Сичинава Д.В. Род // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики, 2011. URL: <http://rusgram.ru> (Дата обращения: 30.04.2023).
23. Собираемый // Толковый словарь русского языка. URL: <https://www.vedu.ru/expdic/32743/> (Дата обращения: 15.05.2023).

24. Титов Е. Г., Булах М.С. Амхарский язык. // Языки мира: Семитские языки. Эфиосемитские языки. /Москва: Academia, 2013. С. 311 – 375.

б) Научная литература на английском языке:

25. Aikhenvald A. Y. Manly women and womanly men: the effects of gender reversal. // How Gender Shapes the World. Oxford: Oxford Academic, 2016. Pp. 99 – 119.

26. Appleyard D. Amharic. // Encyclopaedia Aethiopica/ Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2003. Pp. 232 – 238.

27. Appleyard D. Colloquial Amharic. New York: Routledge, 1995. Pp. 379.

28. Butler N. A practical and critical grammar of the English language. Louisville, KY.: John P. Morton and company, 1874. Pp. 312.

29. Corbett G. G. (a). Sex-based and Non-sex-based Gender Systems // Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) WALS Online (v2020.3). 2013. URL: <http://wals.info/chapter/31> (Дата обращения 08.03.2023).

30. Corbett G. G. (b). Systems of Gender Assignment // Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) WALS Online (v2020.3). 2013. URL: <http://wals.info/chapter/32> (Дата обращения 08.03.2023).

31. Croghan V. Teach Yourself SWEDISH. London: Hodder Headline Plc., 1995. Pp. 310.

32. Daniel M., Moravcsik E. 2013. The Associative Plural // Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) WALS Online (v2020.3). 2013. URL: <http://wals.info/chapter/36> (Дата обращения 08.03.2023).

33. Dryer. M. S. Coding of Nominal Plurality // Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) WALS Online (v2020.3). 2013. URL: <http://wals.info/chapter/33> (Дата обращения 08.03.2023).

34. Greville G. G. (c). Number of Genders // Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) WALS Online (v2020.3). 2013. URL: <http://wals.info/chapter/30> (Дата обращения 08.03.2023).

35. Haspelmath M. Occurrence of Nominal Plurality // Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) *WALS Online* (v2020.3). 2013. URL: <http://wals.info/chapter/34> (Дата обращения 08.03.2023).
36. Heide M. Some Possible Traces of the Dual in Gə'əz. // *Proceedings of the XVth International Conference of Ethiopian Studies/ Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. Pp. 769–776.*
37. Hetzron R. *Ethiopian Semitic: studies in classification.* Manchester: Manchester University Press, 1972. Pp. 145.
38. Isenberg K.W. *Dictionary of the Amharic language: Amharic and English: Englisch and Amharic.* London: Church Missionary Society, 1841. Pp. 433.
39. Kane T. L. *Amharic–English Dictionary.* Wiesbaden: Harrassowitz, 1990 2 v.
40. Kogan L. Proto-Semitic Phonology and Phonetics. // *The Semitic Languages: An International Handbook/ Berlin, Boston: Walter de Gruyter. 2012. Pp. 54–151.*
41. Leslau W. *Reference Grammar of Amharic.* Wiesbaden: Harrassowitz, 1995. Pp. 1044.
42. Ludolf H. *Grammatica Linguae Amharicae.* Frankfurt: 1968. Pp. 60.
43. McConnell-Ginet S. Gender and its relation to sex: The myth of 'natural' gender. // *The Expression of Gender, 6. / Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2014. Pp. 3 – 38.*
44. Numerals and Nouns - singular vs. plural // *Pealim, 2020.* URL: <https://www.pealim.com/articles/numerals-and-nouns-singular-vs-plural/> (Дата обращения: 10.05.2023).
45. Wagner E. Harari. // *The Semitic Languages. / London, New York: Routledge, 1997. Pp. 486-508.*
46. Zelealem L. Asymmetrical Representation of Gender in Amharic. // *Ethiopian journal of the social sciences and humanities, № 7. 2011. Pp. 71-112.*

с) Научная литература на немецком языке:

47. Hartmann J. Amharische Grammatik. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1980. 505 S.

48. Kunze K. Wie kamen Flüsse zu Ihren Artikeln? // Проект „Wissenschaft im Dialog“, 2014. URL: <https://www.wissenschaft-im-dialog.de/projekte/wieso/artikel/beitrag/wie-kamen-fluesse-zu-ihren-artikeln-die-weser-die-elbe-der-main-der-inn-die-donau-der-nil-wa> (Дата обращения: 15.05.2023).

d) Научная литература на испанском языке:

49. Usted// Diccionario panhispánico de dudas. Электронная версия словаря сложных случаев испанского языка. URL: <https://www.rae.es/dpd/usted> (Дата обращения: 15.05.2023).

e) Научная литература на французском языке:

50. Abbadie A. Dictionnaire de la langue amariñña. Paris: Actes de la Société philologique, 1881. t.10.

51. Baeteman J.-É. Dictionnaire amarigna-français. Diré-Daoua: Imprimerie Saint Lazare des rr. pp. Capucins, 1929. Pp. 433.

f) Научная литература на итальянском языке:

52. Afevork Gh. J. Grammatica della lingua amarica: metodo pratico per l'insegnamento. Rome: R. Accademia dei Lincei, 1905. Pp. 326.

53. Guidi I. Vocabolario amarico-italiano. Roma: 1901. Pp. 918.

54. Guidi, I. Supplemento al Vocabolario amarico-italiano. Roma: 1940.

2) Источники

a) Источники на амхарском языке:

55. Ветхий завет [ጵጵጵ ስጵጵ]// Электронная версия. URL: https://www.gospelgo.com/f/amharic_bible.htm (Дата обращения: 10.05.2023).

56. Дэссе [ደሴ]// Страница свободной энциклопедии «Википедия». URL: <https://am.wikipedia.org/wiki/%E1%8B%B0%E1%88%B4> (Дата обращения: 10.05.2023).

57.Коран [ፌርዳን] // Электронная версия. URL: <https://amhariquran.com/>
(Дата обращения: 10.05.2023).

б) Источники на языке харари:

58.Leslau W. Ethiopians Speak: Studies in Cultural Background. I. Harari. Los Angeles: University of California Press, 1965. Pp.262.

с) Источники на древнееврейском языке:

59.Библия на древнееврейском языке // Электронная версия.
Электронный портал «Азбука Веры». URL: <https://azbyka.ru/biblia/?i>
(дата обращения: 20.05.2023).

Приложение А. Список сокращений.

ЛИЯ	Литературный испанский язык
ЛНЯ	Литературный немецкий язык
ЛАЯ	Литературный арабский язык
ДЕЯ	Древнееврейский язык
БАЯ	Библейский арамейский язык
ЕХТ	Расширенная глагольная основа
AGN	Отглагольное существительное, имя деятеля
СОМІМРF	Сложный имперфект.
ПРСЯ	Прасемитский язык

Приложение В. Информация об информанте.

Пол	М
Возраст	29
Родной язык	Амхарский
Место проживания	Аддис-Абеба